

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АНДРЕЙ НИКОНОВ

ДУРНАЯ КРОВЬ

Кто стоит за охотой на магов?

Андрей Никонов
Дурная кровь
Серия «Веласкес», книга 2
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69939379

*Дурная кровь: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; М.,
2023*

ISBN 978-5-17-156912-9

Аннотация

На площади перед мэрией Нижнего города убийца расстрелял несколько человек. Среди чудом выживших – Павел Веласкес, маг и потомок русских переселенцев, ввязавшийся в опасную игру с могущественной организацией «Сияние», криминальными семьями и Силами обороны острова.

Полиция считает, что он случайная жертва, Павлу предстоит выяснить, связано ли это убийство с охотой на магов, кто за этим стоит и при чём тут призраки. А ещё – остаться в живых.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1. Площадь Сервантеса	16
Глава 2. Пациент	36
Глава 3. Виктор Лапорт	62
Глава 4. Отверженный	80
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Андрей Никонов

Дурная кровь

*Все персонажи и события этой книги
вымышлены, любые совпадения с реальными
людьми (умершими, живыми и ещё не родившимися)
случайны.*

© Андрей Никонов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Три миллиона лет назад на территорию Южной Америки упал метеорит, открыв портал на другую планету в отдалённой части вселенной. Животные и растения двинулись на новое место почти сразу же, люди нашли его в 2027 году, планету называли Сегунда.

За пятнадцать лет на Сегунду перешли полторы сотни тысяч жителей Земли, в основном военные и учёные. В канун 2042 года метеоритный дождь прервал связь между материнской планетой и колонией. На Сегунде началась эпоха Разделения. Портал, переставший работать после разрыва связи с Землёй, постепенно восстанавливал активность.

Сегунда – планета земного типа, покрытая океаном и островами, с воздухом, пригодным для дыхания, и жёстким излучением местного светила – Сола. Сутки длятся тридцать часов. В году 313 суток, составляющих одиннадцать полных месяцев по 28 дней, и декабрь, в котором дней всего пять.

Самый крупный остров Сегунды – Параизу – находится в северном полушарии, столица Параизу делится на две части – Верхний город (Сидаже Алта) и Нижний (Сидаже Фундо), крупные города расположены как по побережью, так и на плоскогорье. Территории вокруг городов называются протекторатами и управляются из столицы, остальные территории называются Свободными. На Свободных территориях

есть своя полиция и свои органы власти.

Сол – жёлтый карлик с жёстким излучением, проникающим через атмосферу Сегунды. Обычный человек не может долго находиться на открытом воздухе, вслед за кожей повреждаются и внутренние органы. Каждому родившемуся на Сегунде в раннем детстве подсаживают имплант, защищающий от излучения Сола.

У самой планеты есть собственное поле, выборочно вызывающее мутацию, у некоторых детей имплант не приживается, в возрасте шести-семи лет у них проявляются паранормальные способности. Таких людей называют эсперами, или магами. Шанс у эспера дожить до совершеннолетия – примерно тридцать процентов, чаще организм не справляется, и ребёнок погибает. Шанс выжить даёт ему блокиратор, особое устройство, похожее на браслет и блокирующее поле планеты. Блокиратор приходится носить пожизненно, стоит его снять, и маг через какое-то время теряет рассудок, начинает уничтожать других людей. Такими магами занимается Служба контроля.

Помимо Службы контроля за порядком следят полиция, возглавляемая в каждом городе капитаном, и Бюро специальных операций. На случай вторжения незваных гостей через портал созданы Силы обороны, их полномочия постоянно расширяются.

Пролог

*1 ноября 334 года от Разделения, День Всех Святых
Окрестности Гринвуда, остров Параизу, Сегунда*

Фальки, в отличие от многих других семей, ведущих дела на севере Параизу, всегда держались замкнуто, мало кто мог похвастаться, что поддерживает с её главами дружеские отношения. Это компенсировалось тем, что основные праздники – Последнюю ночь, Рождественскую неделю, Пасху и особенно канун Дня всех святых, который на Сегунде всегда приходился на воскресенье, Фальки отмечали с размахом, для этих целей Саймон Фальк, дед нынешнего главы семьи, на Свободных территориях выстроил специальное здание, сверкающее стеклянными фасадами, в девять этажей по тридцать пять тысяч квадратных футов на каждом. Количество этажей позволяло сохранять статус Свободных территорий, поэтому обслуживающий персонал трудился под землёй. Целая армия поваров и кондитеров готовила праздничный ужин, взводы официантов разносили еду и напитки, бармены, крупные аниматоры, стриптизёрши и фокусники следили, чтобы гостям не было скучно, охранники – чтобы сохранялся порядок, а группа врачей – чтобы те, кто слишком активно веселился, потом об этом не пожалели. Нанятых работников было почти столько же, сколько приглашённых гостей.

В вечер субботы 28 октября 334 года гости прибывали со всего Параизу. В этот раз их было почти полторы тысячи, они веселились и отдыхали с размахом, кочуя от благотворительного аукциона и танцев на первом этаже до казино на девятом. Дети в компании злобных клоунов и жутких фокусников отлично проводили время на пятом: Хеллоуин – праздник семейный, как ни крути.

Веселье закончилось с первым часом второй трети, кабиолеты, лимузины и вертолётны брызнули в разные стороны, оставляя здание заброшенным до Рождества. С точки зрения обывателя – непозволительная роскошь, Фальки так не считали, репутация семьи, которая складывалась и из таких праздников, была дороже.

Генри Фальк отлично провёл время, пробежавшись несколько раз по всем этажам, даже на пятый заглянул и там ровно в полночь раздал детям превосходные подарки. В десять первой трети, проводив гостей, он лёг вздремнуть и через два часа был готов к выполнению своих привычных обязанностей. Предстояло выслушать тех, кто испытывал нужду в помощи главы семьи. Таких было немного, обычно проблемы решались по мере их возникновения и не требовали участия Генри, но некоторые важные для Фальков люди требовали особого внимания. Времени это занимало немного, зато личное участие одного из главных боссов высоко ценилось и поддерживало моральный дух. На каждый такой разговор он отводил не менее пятнадцати минут, даже если про-

блема была незначительной, на его взгляд. Люди, которые не знали Генри, могли бы счесть это проявлением слабости или желанием угодить, но такие обычно дальше рядовых управленцев не прорывались.

– Рад тебя видеть, Отто, – он лично придвинул неглубокое кресло старику с чёрной титановой тростью, радушно улыбнулся его спутнику. – Роберт, прошу вас.

Старик Беннет покряхтел, устраиваясь на подушке, ему недавно исполнилось сто десять лет, и Генри был представителем третьего поколения Фальков, на которых он работал с самой своей юности. Все они, по мнению Беннета, были одинаковы, мягкие снаружи, а внутри – стальной стержень. Но Отто это устраивало, пока он был на их стороне, этот стержень тоже был на его стороне.

– Скажи, Боб, – прокряхтел он.

Младший брат Отто выдавил вежливую улыбку.

– Речь пойдёт о Ларе, моей дочери, – сказал он. – Она пропала в конце лета.

– Её так и не нашли, – Генри отлично знал эту историю, он кое-что слышал о ней ещё в сентябре, а полчаса назад ознакомился подробнее.

Два года назад мелкий коммерсант из Кейптауна, Ли Шань, взял у Лары Беннет в долг три миллиона реалов – он устраивал в городе подпольные бои, и ему нужны были деньги на покрытие ставок. Когда подошёл срок выплаты, вернуть долг Шань не смог, но предложил Ларе в качестве ком-

пенсации поучаствовать в охоте на магов.

Слухи о том, что такие развлечения существуют, ходили среди богатых людей Параизу несколько лет. Те, кто в них участвовал, своими победами обычно не хвастались, болтуны быстро и совершенно случайно умирали. Самого Генри охота на людей, пусть даже мутантов, никогда не привлекала, но он уважал чужие интересы, если те заслуживали уважения. А схватиться с магом, на котором нет блокиратора, один на один – это смелый, хоть и безрассудный поступок.

Шань был должен не только Ларе, но и самим Фалькам, правда, сумма долга была незначительной – настолько, что Генри о ней даже не знал. За несколько дней до охоты коммерсанта убили, пристрелили в каком-то мотеле на окраине Кейптауна из снайперской винтовки. Кто это сделал, так и не выяснили.

Мануэль Варгас, один из старших сотрудников службы безопасности Фальков, выгреб всё из его дома, некоторое время информация, в которой не было почти ничего полезного, лежала мёртвым грузом, удалось лишь узнать, что Ли был связан с таинственной организацией под названием «Сияние». Таинственной и очень опасной... Отец Генри, Людвиг Фальк, посоветовал сыну без крайней необходимости не рисковать и не связываться с этими людьми.

Когда Лара пропала, восстановили каждый её шаг за последние два года и через записи Ли Шаня и его банковские документы смогли выйти на организатора охоты, некоего

Виктора Абернати. Но Виктор был пешкой, его прикончили в Тампе в начале осени, причём сделали это демонстративно, на виду у посетителей ресторана, где он ужинал. Убийцы выпустили восемь пуль, четыре попали в голову – в лоб, оба глаза и рот. Естественно, стрелявших не нашли.

Делом вплотную занимались полиция, Бюро и Служба контроля, они обнаружили несколько островов с останками людей, на значительном удалении от Параизу... Служба проверяла всех, кто был причастен к убийству магов, те из охотников, кто успел наследить и не успел залечь на дно, теперь сидели в камерах и давали показания. Так что Ларе в какой-то мере повезло. Пойманные выдали ещё несколько посредников, правда, те были давно мертвы – их убирали перед каждой охотой.

Установили всех членов команды, которые вместе с Ларой отправились убивать магов на ненайденный пока остров. Вместе с ней уплыли двое китайцев из Хай-чен и биржевой брокер из Модены – их переводы нашла полиция. Ещё одного участника экспедиции удалось установить только по записям с камер, Майк Резник из Майска. Никто из этих пятерых до сих пор не вернулся на Параизу...

Каждая охота, по словам участников, шла по одной и той же схеме – охотники собирались на базе Абернати, находившейся на одном из островов в прибрежной зоне, и отправлялись на место на катере или катамаране, а потом на нём же возвращались обратно. Или не возвращались. Их сменяла

группа зачистки, которая уничтожала оставшихся в живых магов.

В последний раз всё пошло не так, как обычно, никакой группы зачистки не было, судно, которое перевозило магов, тоже не нашли, работники доков на базе рассказали, что скорее всего это был всё тот же катамаран – его использовали последние четыре поездки. Обломки судна по аварийному маяку нашли в октябре в двухстах километрах на северо-востоке от Параизу, на большой глубине, катамаран подорвали перед тем, как утопить, взрыв был настолько сильным, что дроны не смогли обнаружить и половину фрагментов. Трупы, если они там были, давно съели рыбы, произошло это до того, как охотники прибыли на остров или когда они возвращались, – тоже осталось загадкой, крушение произошло вдали от зон приёма сигнала.

Бюро удалось выследить одного из подручных Абернати, который участвовал в последней доставке магов. Где находился остров, он не знал – всё время, пока они плыли, группа сидела в каюте и вышла оттуда аккуратно перед выгрузкой. Он утверждал, что магов было восемь, из них один – мертвец, а ещё одного пристрелил Виктор. Самих магов он видел издалека и только в упакованном виде, так что опознать бы их не смог. Выпытать что-то ещё у него не получилось, свидетель повесился в камере почти сразу после допроса. Служба контроля проверяла всех зарегистрированных магов, искала пропавших и не явившихся на ежегодные тесты и наверняка

что-то узнала, но делиться с другими этой информацией не собиралась.

У Беннетов были свои детективы, и до сих пор они справлялись – точнее говоря, выяснили то же, что и остальные.

– Мы лишь хотим её найти, если она жива, – Роберту эти слова давались с трудом, – возможно, есть свидетели. Лара выписала чек на четыре миллиона реалов, на предъявителя, тем днём, когда она пропала. До сих пор эти деньги заблокированы, прошло два месяца с момента пропажи, нам открыли доступ к сведениям только неделю назад.

– И за ними никто не пришёл? – уточнил Генри. Про чек он слышал в первый раз, и это было серьёзным упущением тех, кто занимался делом Ли Шаня.

– Нет, – проскрипел Отто. – Никто. Но мне кажется, другие сделали то же самое, охотники и раньше заключали всякого рода пари, значит, вполне возможно, у кого-то лежит двадцать миллионов в обезличенных расписках.

– Или они исчезли вместе с катамараном, – на самом деле Фальк уже понял, в чём дело, но хотел, чтобы Отто сам это сказал.

Беннет грустно улыбнулся и покачал головой.

– Эти люди, которые забрали чеки, они были здесь, на Параизу, после её смерти. Ты же знаешь, мы всегда аккуратно ведём дела и, когда выдаём расписки на такие суммы, то делаем это на специальных листах с чипом, чтобы они не превратились в кусок пластика; платёжная система их регистри-

рует в течение двадцати дней, для этого нужна прямая связь с банком. Два процента забирает себе банк, и это не слишком большая плата за спокойствие.

Фальк кивнул. Формально банк принадлежал семье, но по традиции в его дела они не вмешивались.

– Банк получил подтверждение уже после того, как Лара погибла, – продолжил старший Беннет, – значит, чек она выдала, когда сеть была недоступна.

– И где это произошло?

– Мы точно не знаем, – Отто развёл руками. – Прошло слишком много времени, мне морочили голову сложными техническими терминами, ты же знаешь этих яйцеголовых, всё, что они смогли сделать – установили время и место, из которого поступил сигнал. Очень приблизительно. Это круг диаметром в триста километров вокруг Акапулько, там и Ньюпорт, и столица, и океан. С чипом больше нет связи, но чек побывал здесь, на Параизу. Говорю тебе, Генри, эти люди, если они живы, они что-то знают. Когда мы их найдём, то и Лару найдём тоже. Девочка не заслужила того, чтобы её вот так бросили, если она умерла, её место – на семейном участке, а не на каком-то дальнем острове.

– Хорошо, ты прав, Отто, прошло достаточно времени, чтобы те, кто в этом замешан, наделали ошибок, – хозяин кабинета широко улыбнулся. – Твоим делом снова займётся Варгас, заодно он выяснит, знают ли родственники других охотников о чеках.

– Спасибо тебе, Генри, – Отто Беннет постарался вложить в свою улыбку как можно больше признательности. – Даже не надеялся, что у Мануэля найдётся время на нас.

– Мы – одна семья, Отто, – Фальк тихонько постучал пальцами по столешнице, – твои враги, это и наши враги.

– Конечно, – старик поднялся, слегка опираясь на трость, с него словно лет двадцать слетело, – я всегда это знал, Генри, всегда знал.

Глава 1. Площадь Сервантеса

2 января 335 года от Разделения, понедельник

Нижний город (Сидаже Фундо), остров Параизу, Сегунда

Восемь зданий неплотным кольцом окружали площадь Хайме Сервантеса, названную так в честь первого мэра Нижнего города. Жилых домов здесь не было, только семь офисных высоток, в одной из которых находился ипотечный банк, и городская ратуша, величественное здание, выстроенное в колониальном стиле, слишком помпезное для второстепенной части столицы.

Много лет назад офисных зданий не было... Чтобы подчеркнуть всю важность работы местных чиновников, рядом с ратушей разбили роскошный парк, с десятками видов деревьев, тенистыми грунтовыми тропинками, полянками с изумрудной травой и прудом, в котором плавали утки. Рассказывали, что Сервантес, оставив пост, любил приходить сюда и сидеть на лавочке, подкармливая птиц и подрёмывая. Там же, на лавочке, он и умер от сердечного приступа; несколько часов люди проходили мимо мёртвого уже человека-легенды, не решаясь его потревожить.

Когда остальные семь зданий постепенно примкнули к ратуше, деревья спилили, сделав из бывшего парка сквер с мощёными дорожками, фонтаном и аккуратно подстриженными

ми рядами кустов, а там, где раньше был пруд, устроили большую автостоянку. На её углу примостилась одноэтажная закусочная, в которой продавали превосходные пастелы и такос с ягнятиной. В обеденный перерыв на каменной площадке расставляли столики, за которыми офисные работники, утомлённые непосильным трудом, заедали кукурузными лепёшками тоску и пиво. Через тридцать минут к ним присоединялись муниципальные служащие, рабочий день в мэрии начинался на час позже, тогда же пообедать и проветриться выходили клерки из банка.

Офисные служащие заполняли сквер за полчаса до начала второй трети, они спешили на свои рабочие места, перехватывая у прилавка, стоящего возле закусочной, пончики и кофе. Когда поток людей иссякал, к закусочной подъезжал грузовик, выгружал полуфабрикаты, двое работников начинали раскладывать по емкостям нарезанную начинку и круги теста. Одного из них звали Хорхе, второго – Симон, они поровну владели закусочной, но почему-то посетители помнили имя только первого.

Толстый высокий мужчина средних лет, с залысинами и приветливым лицом, подошёл к высокому офисному зданию за десять минут до начала рабочего дня, поздоровался с полусонным охранником и поднялся в лифте на последний, девятый, этаж, бережно придерживая рукой кожаный портфель. Мужчина сильно хромал и передвигался, опираясь на трость.

– Привет, Кевин, как прошли рождественские праздники? – секретарша, невысокая полноватая блондинка с огненно-красными губами, полировала ногти, сидя за стойкой.

– Отлично, Джен, уж отдохнул так отдохнул, отлично провёл время. Съездил на побережье, погрелся на песочке, поймал рыбу с катера, – толстяк достал из пухлятого портфеля сиреневую коробочку с вдавленным логотипом, протянул девушке, – печенье от Гринвальда.

– Ты просто душка, знаешь, как понравиться женщине, – Джена небрежно бросила подарок в ящик. – Что с ногой?

– С лодки упал, – Кевин замахал одной рукой, изображая момент падения. – Врачи сказали, что ещё неделю, а то и две буду хромать. Что нового?

– Филис позавчера развелась, – Джена наклонилась, перешла на громкий шёпот, – и угощает всех выпивкой, похоже, она сама два дня навеселе. Шеф будет только после обеда, не раньше шести. Пойдешь с нами к Хорхе?

– Только не сегодня, после праздников что-то печень пошаливает, – мужчина скорчил страдальческую физиономию. – Посижу, поработаю, через два дня встреча с транспортниками, если заporю отчёт, шеф меня съест.

– Как знаешь... – девушка пожала плечами и снова уткнулась в монитор. Стройные мускулистые брюнеты привлекали Джену куда больше лысых толстых зануд, но она старалась быть любезной, особенно с Кевином – тот никогда не переходил границ и вёл себя как джентльмен.

Офис постепенно заполняли сотрудники, до обеда они в основном занимались тем, что обсуждали последние праздники и особенно – Последнюю ночь. Филис достала из ящика стола бутылку виски, и крохотные стаканчики несколько раз наполнились и опустели. В три часа пятьдесят пять минут второй трети все они, кроме Кевина, которому уже успели посочувствовать, встали и гурьбой направились к выходу. Мужчина помахал им рукой, доставая из портфеля контейнер с чем-то не очень аппетитным.

Дождавшись, когда все ушли, он некоторое время сидел, обхватив крупную голову руками, словно что-то обдумывал. Потом швырнул портфель на стол и достал оттуда емкость с едой, наклонился вбок, выдвигая нижний ящик стола. На столе появилось полтора десятка свёртков, до этого лежавших в ящике, он принялся их разворачивать, доставая детали какого-то устройства. Последним был блок с пружиной на конце, к нему Кевин начал крепить остальные части неторопливыми уверенными движениями. Он управился за несколько минут, и теперь перед ним на столе лежал почти собранный карабин. Не хватало только батареи и ствола.

Батарея нашлась в лотке с едой, Кевин вытер её салфеткой и прищёлкнул к магнитным захватам, засунул то, что получилось, под пиджак и потопал к выходу. Казалось, он хромет ещё сильнее.

По пожарной лестнице мужчина добрался до технического этажа, тяжело дыша, прикрыл за собой люк и прошёл в

дальний угол, по пути достав из-за воздуховода туристский коврик и небольшой рюкзак. Расстелил коврик на полу в самом углу возле окна, выходящего на ратушу, тяжело опустился на колени. Руки его немного тряслись. От трости отделился набалдашник, а сама она стала последней деталью карабина. Из рюкзака мужчина достал такт-очки и снайперскую перчатку, на секунду задумался, потом нацепил очки на голову, натянул на правую руку, притронулся стальной пластиной на ремешке, охватывающем кисть, к выступу на очках, нажал на карабине матовую кнопку, и магнитный блок загудел, блок сопряжения мигнул зелёным, соединяя очки с прицелом и перчаткой.

Дневной свет просачивался на этаж через длинное невысокое окно, идущее по периметру прямо на высоте пола. Кевин приложил к стеклу набалдашник трости, вырезал отверстие, просунул в него дуло карабина, попробовал прицелиться. С первого раза не получилось, отверстие было расположено слишком высоко. Но офисного работника это не смутило, Кевин передвинул коврик на полметра в сторону, сделал отверстие на нужной высоте, поёрзал на полу. Часы на ратуше показывали четыре часа двадцать восемь минут второй трети.

* * *

Без пяти минут второй трети Павел Веласкес проснулся от

того, что шершавый язык пытался содрать кожу с его щеки.

— Кровати — для людей, — он попытался спихнуть чёрного кота с кровати, но быстро оставил это безнадёжное занятие и прошлёпал босыми ногами в ванную комнату.

Маленький ягуар за несколько месяцев подрос, прибавив ещё десять кило и пятнадцать сантиметров в холке. Теперь никто бы уже не спутал его с крупной кошкой, скорее — с перекормленным оцелотом, которые встречались в лесах северной части Параизу. Необычный окрас можно было оправдать генетическим дефектом — шерсть за четыре месяца стала практически чёрной, кот раздался в груди, лапы сделались толстыми и мощными, морда приобрела грозный вид.

В поместье Кавендишей ягуар жил вольготно, появляясь и исчезая по собственному желанию. Потребовалось время, чтобы приходящие работники к нему привыкли и перестали креститься каждый раз, когда чёрная тушка прыгала с крыши или дерева с добычей в пасти. Садовник после того, как кот потоптался на грядках спаржи и обгрыз ствол дерева кешью, прозвал его *peste negra* — чёрная чума, но потом он и уборщица, она же кухарка, сошлись на том, что скорее всего это сам Люцифер, явившийся к молодому сеньору прямо из преисподней, чтобы проверить на прочность его моральные качества. Потому что они, по общему мнению работников поместья, были невысоки.

Люцифер перемещался практически незаметно, двери и замки его не останавливали, кухарка, как только узнала, что

гость уезжает и оставляет ей этого маленького монстра, объявила забастовку и пригрозила пожаловаться хозяевам, так что ягуара пришлось взять с собой. А заодно и фургон, на мотоцикле питомец ездить не любил.

– Шлялся где-то, засранец, а потом на простынях валяешься, – Веласкес вышел из ванной, вытирая голову полотенцем. – Сходи посмотри, какой шикарный коврик в гараже я постелил специально для тебя. Все коты спят на ковриках.

Ягуар валялся поперёк кровати на спине, при виде человека он вытянул переднюю лапу, из подушечек вылезли когти, совсем чуть-чуть. Всем своим видом он показывал, что слезать на пол не собирается, уступать место на кровати – тоже, и сравнение с котами его совершенно не волнует. Павел вздохнул, он позволял этому чудовищу слишком многое, хотя, по правде говоря, четыре месяца назад маленький ягуар его спас, непонятным образом выдернув из-за грани между жизнью и смертью, которую он, Веласкес, почти переступил, и поэтому маг чувствовал себя в долгу перед этим мохнатым чудовищем.

– Ближе к вечеру придёт Мелани, смотри, не напугай, спрячься куда-нибудь, – предупредил Павел питомца, натягивая джинсы. – У неё маленькие дети и ипотечный кредит.

Он мог поклясться, что во взгляде кота промелькнула насмешка – человека с детьми и кредитами испугать практически невозможно. Мелани жила в нескольких блоках от квартиры Павла и работала тут же, в кондо, уборщицей, Велас-

кес познакомился с ней накануне, когда появился в своём жилище после долгого отсутствия и получил новый график обслуживания домов – его квартира стояла в колонке понедельника.

Маг мог бы вообще сюда не возвращаться, но редакция «Ньюс» настойчиво требовала, чтобы сотрудник лично явился к начальству в первый рабочий день года. Попытки сказать больным ни к чему не привели, в декабре из «Фундо Политико» в «Ньюс» перебрался Тимми, а уж он знал Веласкеса как облупленного. Маленький индус подловил его прямо перед праздниками.

– Ты здоров, Веласкес, и отлично себя чувствуешь, – Тимми потыкал карандашом прямо в камеру, – вольная жизнь пошла тебе на пользу. Коллинз считает, что ты слишком много дышишь свежим воздухом, пора бы понюхать настоящую атмосферу редакции вместе с нами, простыми рабами.

Репортёру пришлось согласиться, Коллинз стал третьим выпускающим редактором, и от него зависело, пойдёт материал в прайм-тайм или затеряется среди второстепенных репортажей ночи с четверга на пятницу, соответственно и стоимость репортажа менялась. К тому же надо было продать кондо – оставаться здесь Павел не собирался, его вполне устраивали Свободные территории, где и продукты стоили дешевле, и любопытных глаз было гораздо меньше.

В поместье Кавендишей можно было прожить хоть до старости – дети Эла в родное гнездо наведывались редко и

неохотно, но дом был слишком велик для одного Веласкеса, и маг чувствовал себя в нём неуютно. В качестве убежища он присмотрел себе неплохой и очень дешёвый коттедж на одном из притоков Рио-Флор, ниже озера Саус-Лейк, почти в центре треугольника, образованного Акапулько, Ньюпортом и Тампой. Несмотря на близость к столице, места там были необжитые, практически дикие, даже те, кто раньше пытался отшельничать, переехали в города. Дом стоял неподалёку от ручья прямо посреди джунглей, и от шоссе его отделяли шесть километров через лес по старой, заросшей травой и побегами деревьев дороге. Отличное место для того, кому нужно почаще бывать поближе к природе и подальше от Службы контроля.

Он уже связался с управляющей компанией и договорился, кто и когда выкупит его квартиру. От подкинутых неизвестными благодетелями денег почти ничего не осталось, сто семьдесят тысяч ушло на ремонт захваченной по случаю яхты, подрядчик, которого нашла Нина Фернандес, уверял, что после этого судно можно будет продать за полмиллиона, но только если Павел не будет жадничать и как следует обновит интерьеры. За дополнительные сто тысяч реалов. Четыре каюты объединили в две, поменяли вспомогательное оборудование и электронику, обновили яхтенный компьютер, избавившись от нелепой заставки, поставили новые маршевые водомёты, и вообще, почти уже сделали конфетку из того, что, по словам подрядчика, эта яхта изначально представля-

ла. Заодно её заново покрасили, прежняя белая краска, по мнению дизайнера, без которого подрядчик работать отказывался, отдавала в желтизну, а на корме вообще облезла. Эйфория от обладания морским судном прошла, и действительность предстала во всей красе, точнее говоря, страшно-сти, судя по смете, эту яхту проще и дешевле было утопить, а подрядчика и дизайнера пристрелить.

– А что ты хотел, – Нина только рассмеялась, когда Павел рассказал ей, что ему приходится пережить, – тебе ещё дом обставлять, малыш. Бог – он даёт орехи тем, у кого нет зубов.

Она любила вставлять в разговор поговорки, и иногда выходило смешно. Но не в этот раз.

Павел вышел на крыльцо, вдохнул полной грудью жаркий зимний воздух, сиденье байка ощутимо нагрелось под лучами Сола. До сезона дождей было ещё два месяца, местное светило жарило от души, раскаляя мостовые. Столица находилась вдалеке от океана, и на морскую свежесть здесь можно было не рассчитывать. Веласкес надеялся наконец-то опробовать завоёванный в бою плавучий трофей перед тем, как его продать – решение уехать из столицы и посещать большие города наездами было окончательным.

– Сеньора Гименес, – Павел доехал до дома старушки, слез с мотоцикла, приоткрыл калитку, – я буду в банке за час до обеда, подпишу документы и до первого февраля освобожу дом.

Пожилая женщина копалась в небольшом саду, аккуратно

вырывая сорняки и складывая их в синее пластиковое ведро. На голос репортёра она даже не обернулась, Веласкес терпеливо ждал – вредный характер сеньоры был известен всем, но именно она согласилась выкупить его блок. Наконец, через минуту женщина встала, отряхнула руки и колени.

– Подожди-ка, юноша, – сварливо сказала она. – Так ты что, и вправду решил уехать отсюда?

– Да, – Павел развёл руками, словно извиняясь. – Уже всё решено.

– Куда ты собрался? – не унималась старушка.

– Скорее всего в Акапулько или Майск, – не стал скрывать Павел, – сегодня в редакции скажут, где им нужнее такой талантливый молодой человек, как я.

– Хвастун, – тон сеньоры Гименес стал мягче. – Хотя чего ожидать, район с каждым годом становится всё тише и скучнее, молодёжь переселяется на побережье, поближе к океану. Там жизнь кипит, не то что здесь. Как тебе Мелани?

– Что? – Павел поперхнулся.

– Новая соседка. Надеюсь, ты не положил на неё глаз?

– Ну что вы, сеньора.

– Дурак, у неё трое детей, куда ей ещё один молодой оболтус. Смотри у меня, в кои-то веки в кондо появилась аккуратная уборщица, если ты с ней что-нибудь сделаешь, я тебе не прощу.

– Даже в мыслях не было, – заверил старушку Веласкес. – Да и когда мне успеть? Месяц – крайний срок, скорее всего,

мне придётся уехать раньше, может даже через неделю.

— Такие, как ты, и за три дня умудряются в разные истории влипнуть, — женщина строго посмотрела на молодого человека, потом — на его мотоцикл. — Я слежу за тобой, Веласкес, помни об этом.

Павел чувствовал спиной её строгий взгляд, пока не свернул на ближайшем перекрёстке. Новый байк, хоть и выглядел потрёпанным, был лучше прежнего, быстрее, мощнее и удобнее, отлично держал неровности дороги и мог быстро ехать по пересечённой местности. Вместо одного картриджа стояло два, запаса при полной зарядке должно было хватить до самого северного побережья, если бы он туда собрался.

До редакции «Ньюс» было намного ближе — маг проехал мимо ратуши, свернул на бульвар Первых Поселенцев, забрал пончики в кондитерской и через пять минут был у шлагбаума, отделяющего Нижний город от Верхнего.

Вместо Энрике в будке сидел незнакомый полицейский, мрачный, худой, с желтоватой кожей. Он забрал пончики и сунул Павлу планшет с анкетой.

— Что это? — Веласкес раньше такого не видел.

— Приказ нового капитана, — равнодушно ответил патрульный. — Всем магам требуется заполнить. Если не хочешь, разворачивайся и проваливай, не мешай движению.

Машины и мотоциклы с пропусками свободно проезжали по основной дороге, позади Павла не было никого, кому бы он помешал. Но маг спорить не стал, приложил палец в

нужных местах, дал отсканировать батареи, сам мотоцикл, браслет и пистолет, и только тогда желтушный полицейский нарочито медленно открыл шлагбаум.

«Ньюс» занимал не одно, а целых три здания в Верхнем городе. Маленький двухэтажный дом-кубик был зажат двумя шестиэтажными стеклянными коробками, похожими друг на друга, словно близнецы, прежде он стоял на земле немного позади, но потом его укрепили, подняли и приспособили между двух соседей на высоте второго этажа, так, что вместе они образовали латинскую букву «аш» или русскую «эн», кому как больше нравилось думать.

Правая коробка занималась обработкой информации и организацией вещания, редакция сидела в левой, в центральной перекладине раз в месяц собирался совет директоров. Павел вырулил на гостевую стоянку, поставил мотоцикл поближе к ограде и направился к редакции, спрямив путь через дорогу. Желтый кабриолет на огромной скорости вылетел с шоссе и затормозил прямо перед Павлом.

– Куда прёшь, осёл? – женщина за рулём, крашенная блондинка с пухлыми губами и высокими скулами, гневно смотрела на мага.

Павел её с трудом, но узнал. Тереза Симонс, пятый канал, она брала интервью у его отца в тот день, когда он подвозил лже-Клер до больницы. Места на дороге для того, чтобы его объехать, было вполне достаточно, но маг спорить не стал,

отступил на шаг. Машина рванула, пробуксовывая колёсами, и, почти не снижая скорости, уткнулась в невысокую ограду между двумя автомобилями попроще. Павел ждал, что Симонс на этом не остановится и проскочит дальше, через препятствие, но машина замерла вплотную с барьером, репортёр выскочила из кабриолета и побежала к дверям редакции.

Маг не торопился. Он просканировал браслет на входе, показал код охраннику, низкому и очень коренастому, с фамилией Сидоров, узнал, что его старый пропуск больше не действует, получил другой в виде карточки на липучке и на лифте поднялся на третий этаж.

– Зря ты так, – Тимми перехватил у него временный пропуск и начал оформлять постоянный. – Выглядишь слишком счастливым и расслабленным. Веласкес, сделай лицо погрустнее, как у всех нас, иначе люди подумают, что ты вице-президент или член правления.

– Стоило из-за этого бросать «Фундо Политико», там хоть пиво можно было попить спокойно.

Кабинеты шли по периметру, окружая огромное рабочее пространство, напоминавшее улей. Пчёлы-ассистенты что-то приносили менеджерам, дизайнерам и редакторам, некоторые изредка улетали в кабинеты, из которых, в свою очередь, солидные шмели отправлялись с добычей на последний, шестой этаж.

– Стоило, – твёрдо сказал Тимми. – Это совсем другой уровень, детка. Кстати, про уровень, говорят, у тебя теперь

есть шикарная яхта с полуголыми блондинками и вертолётной площадкой?

– Да, – подтвердил Веласкес. – Ты разве не знал, что я только притворяюсь бедным, а на самом деле миллионер? Кстати, кто тебе про яхту растрепал, Коллинз?

– Анна, – маленький индус довольно улыбнулся, – я выслал тебе на телефон новые инструкции, бланк отказа от вступления в профсоюз, пятьдесят заповедей нашего великого председателя совета директоров Ортеги, которые ты должен выучить, и фотографии всех сотрудниц в нижнем белье.

Веласкес кивнул на ассистентку, молодую симпатичную девушку с копной рыжих волос, которая сидела за соседним столом. Раньше он её не видел.

– И этой красотки – тоже?

Красотка засмеялась и подмигнула Павлу, а Тимми неожиданно покраснел, точнее говоря, стал чуть более коричневым.

– Проваливай, Веласкес, – сказал он. – Коллинз тебя уже ждёт. Шестой этаж, не заблудишься?

Солидную часть шестого этажа занимал кабинет первого вице-президента и одновременно – главного редактора, от него по обеим сторонам к огромному, от пола до потолка, окну уходили комнаты шишек поменьше, все – с панорамными окнами и удобной мебелью. Коллинз пересел из-за стола на

низенький диванчик, рядом, на таких же, сидело ещё трое.

– Особого толку от него нет, – Мишель Ортега, смуглая женщина лет тридцати, племянница председателя совета и по совместительству глава пятого канала, кивнула на экран, где Веласкес обменивался с Тимми репликами, – не понимаю, зачем мы им занимаемся. Одиннадцать сюжетов за всю осень, снято хорошо, не спорю, и откликов было много, но у нас таких – не сосчитать. К тому же он слишком независим, своя лицензированная камера и никакого понятия о дисциплине. Я говорила о нём с Мирандой Фокс, та ничуть не жалеет, что этот Веласкес из их редакции ушёл.

– «Фундо Политико» само скоро уйдёт, «Таймс» передумали их покупать, – полноватый пожилой мужчина с мясистым носом и глазами навывкате поставил стакан с виски на журнальный столик. Симон Шульц занимал кресло второго редактора почти сорок лет. – У парня есть нюх. Фрида Каплан его хвалила, а если Фрида о ком-то отзывалась хорошо, это много значит. Этот Веласкес вам не какой-то шлимазл.

– Вы сами себя послушайте, – Коллинз широко улыбнулся, – если бы этот молодой человек не был перспективным, стали вы о нём разузнавать.

– Ты прав, – Мишель встала, подошла к окну, выходящему на соседнее здание. Её блузка в отражённых лучах солнца просвечивала, позволяя видеть стройную спину и отсутствие бюстгалтера. – К тому же он – эспер. Маг. Дядя Игнасио ненавидит магов, посмотрим, что из этого получится.

В редакции Павел пробыл недолго, ровно столько, чтобы стать почти штатным сотрудником – решение обещали вынести в ближайшее время, но Коллинз обещал, что это всего лишь формальности. Штатная должность сулила высокий оклад и солидные премии, что в положении Веласкеса было совсем не лишним.

К банку он подъехал в половине четвёртого, рядом со ступеньками двое рабочих расковыряли брусчатку и копали яму, складывая землю в неаккуратные кучки. Из ямы торчали пучки проводов. Посетители аккуратно обходили грязь, Веласкес тоже попытался, его кто-то толкнул, и он вляпался ботинком в размокшую землю.

– Смотри, куда идёшь, – недовольно сказал один из землекопов. – Глаза разуй.

Второй сплюнул и попросил сигарету.

До второго этажа Павел добрался, кое-как отчистив подшву о ковёр, лежащий на лестнице. Он поставил подписи на документах, получил выплаченные за три года двадцать тысяч и не получил почти столько же, присвоенные банком в качестве процентов. Клерк, молодая женщина с раскосыми глазами и роскошной чёрной шевелюрой, больше интересовалась Павлом и особенно браслетом на его руке, чем передачей кредита, а под конец чуть ли не силком всучила Веласкесу номер своего личного телефона.

– Эми, – сказала она. – Эми Лю. Позвони обязательно.

но. Кстати, у меня сейчас обеденный перерыв начинается, а здесь неподалёку есть отличная закусочная, там делают очень вкусные такос.

– Конечно, – Павел кивнул, включая камеру, встроенную в такт-очки, опустил их на переносицу. Репортаж об офисном перекусе должен был получиться отличным, видимо, этого от него и ждали в «Ньюс». – Покажешь, где это?

Когда они выходили на улицу, Эми взяла мага под руку. Землекопы продолжали портить площадь и злить прохожих. Рядом с ними молодой человек в офисном костюме и пыльных ботинках раскуривал сигарету, при виде Эми он оживился, кивнул, девушка приветливо ему кивнула в ответ и еле заметно пожала плечами. Охранник банка, высокий, с чёрными кудрявыми волосами и раскосыми, как у Эми, глазами, стоящий на ступенях, помахал им рукой.

– Мой брат Брендон, – предупредила девушка. – Постарайся при нём вести себя прилично.

– Значит, когда его рядом нет, можно и неприлично вести? – уточнил Веласкес.

Девушка хитро улыбнулась, подошла к охраннику и заговорила с ним по-китайски. Павел решал, что ему стоит сделать – уйти или дожждаться, пока два европейца, сузившие себе глаза, наговорятся. Эми похлопала его по руке, мол, погоди немного, потом вдруг ойкнула и начала падать, откинув голову назад и утягивая Павла вниз. Веласкес сделал инстинктивное движение, удерживая её, и ему пришлось

опереться на правую ногу, выставив левую чуть вперёд. Одновременно он выхватил пистолет и попытался понять, что происходит.

Падала не только Эми.

Землекоп, тот, что просил у Павла сигарету, тоже двигался по направлению к земле. Одного глаза у него не было, а из противоположной части черепа выплёскивалась кровь.

Мужчина в офисной одежде оседал, возле левого уха появилось отверстие. Он раскинул руки, словно пытаясь схватиться за воздух, и запрокинул голову.

Охранника пуля настигла, когда он пытался укрыться за колонной, красные брызги и кусочки мозга стекали с бежевого мрамора. От второго выстрела его развернуло и бросило на какую-то женщину, которая открыла рот, чтобы закричать.

Ещё один мужчина, в белой рубашке и галстукe, стоял, держась за грудь и недоумённо глядя на свои ладони, под которыми расплывалось кровавое пятно.

Стреляли с противоположного конца площади, Эми всё ещё тянула Павла вниз, и тому пришлось переступить, разворачиваясь влево. Взглядом он выцепил фигуру в здании на противоположной стороне, на последнем этаже, система наведения сработала моментально. Мужчина, лежащий с карабином в руках, целился прямо в него.

Маг надавил на спусковую планку. Пуля, вылетающая из короткого дула, не могла сравниться в скорости с винтовоч-

ной, и траектория полёта на таком расстоянии тоже была не идеально прямой, но подающий магнитный блок заранее раскручивал три четырёхграммовых снаряда, одновременно центрируя каждый из них при подаче в ствол, остроконечная форма и прорезанные канавки позволяли сохранять и скорость, и направление. Павел выпустил короткую очередь из трёх пуль за три десятых секунды, поведя рукой слева направо, и все они попали в цель. Первая пуля разнесла стекло, ослабленное круглым вырезом, вторая прошила плечо стрелка, а третья вошла тому в левый глаз.

В момент третьего выстрела что-то небольшое, но очень быстро движущееся пробilo Веласкесу щёку чуть ниже левого глаза. Пуля, а это была она, прошла от левой скуловой кости к затылку, разрывая ткани и чудом не задев позвоночный столб, и вышла из шеи. Её скорость за время полёта почти не упала с тысячи двухсот, при ударе о голову острие из хрупкого материала разрушилось, оно сделало своё дело, преодолев сопротивление воздуха и пробив кость. Теперь это был цилиндр из тяжёлого металла с идущим на конус концом, он замедлился, уходя от прямой траектории и прошивая цель. Небольшой вес, удар на высокой скорости и путь по мягким тканям – Веласкес покачнулся, но устоял.

Камера продолжала снимать.

Глава 2. Пациент

2 января 335 года от Разделения, понедельник

Волкова отшвырнула ногой сбившуюся простынь, кое-как сползла с кровати и прошлёпала по нагретому солнцем полу в ванную, долго стояла под ледяными струями воды, до синевы и онемения кожи. В последнее время только это, да ещё двойная порция кофе с лошадиной дозой анксиолитиков, помогали ей прийти в себя после сна. Насте снова приснился кошмар, один и тот же, он заявлялся к ней под утро каждую ночь вот уже два с лишним месяца – на берегу, покрытом белоснежным песком, толстый и противный мужчина, ей совершенно незнакомый, сначала насиловал Волкову, а потом убивал; изо рта у него жутко воняло, слюни текли на её грудь, потные руки рвали одежду и лапали обнажённое тело. Волкова провела рукой по зажившей щеке, потрогала веко – в каждом сне её глаз выжигали, жуткая боль, которую спящие обычно почти не чувствуют, заставляла кричать, да так, что на подушке оставались кровавые пятна от прокушенных губ. А ещё во сне был Павел Веласкес, он её спасал от толстого ублюдка, и это бесило больше всего.

Детектив так и не смогла вспомнить, как их с репортёром погрузили на борт, выкинули на остров, вообще всё, что происходило до момента, когда она очнулась в Ньюпорте, на автобусной остановке, в полном одиночестве. Местная поли-

ция отыскала по камерам такси, которое отвезло её к супермаркету «Лидл», и допросила водителя, тот сам толком ничего не знал. Кто-то вызвал его в порт и попросил отвезти девушку, та сама села в машину, по дороге не проронила ни слова, молча перевела деньги, так же молча вышла и села на скамейку. Камера в машине подтвердила его слова, Настя расплатилась картой на предъявителя, купленной в порту за наличные – кассирша смогла её опознать и утверждала, что девушка вылезла из-за контейнеров неподалёку от грузового терминала. Что произошло до этого момента, полиции установить не удалось, в порту имелось немало мёртвых зон, не охваченных камерами.

Окончательно Волкова пришла в себя только через два дня, лёжа в собственной кровати с каким-то незнакомцем. Мужчина был абсолютно голый, его правую руку и левую руку Насти соединяли наручники. Как оказалось, обычный ворюшка из супермаркета, пойманный лично детективом. Перед дверью дома стоял полицейский патруль – его Волкова вызвала, чтобы передать преступника властям, как и когда она это сделала, Настя не помнила.

Похищение полицейского – пощёчина всей полиции. Это в фильмах и сериалах, а в реальности её дело передали в Нижний город, у полиции Ньюпорта своих проблем было достаточно, кроме как возиться с поехавшей крышей коллегой. После запроса в Кейптаун, на дороге в Майск отыскивали её оружие и телефон, следов Веласкеса не нашлось, его даже

как свидетеля не вызвали.

Медики ничего необычного в её состоянии не обнаружили, сильно ободранная щека, синяк под глазом и несколько царапин на тяжёлые увечья не тянули. Внутренний отдел допрашивал Волкову две недели, штатный психолог вводил Настю в гипнотический сон, её проверяли на детекторе лжи, вкалывали какие-то препараты, каждый раз она твердила одно и то же.

– Тачо, тебе надо отдохнуть, – лейтенант Эскобар, читая заключение куратора, недовольно качал головой. – Диагноз серьёзный, похищение действительно было, в этом никто не сомневается, а ещё врачи не сомневаются, что остальное – результат внушения, будешь наблюдаться у психотерапевта год, потом, если всё в порядке, процедуры отменят. Временно тебя переводят в патруль, если не хочешь там застрять навсегда, постарайся больше никому о своих фантазиях не рассказывать, ладно?

Сам лейтенант в мыслях был уже в Бюро. Настя согласилась и пообещала вести себя нормально. К концу сентября дело о её похищении закрыли окончательно, предполагаемых виновных нашли мёртвыми, все они проходили по совсем другому, гораздо более крупному делу, в котором Волкова была случайным и малозначительным эпизодом. Но больше всего бесило даже не это, а то, что мелкому гадёнышу удалось снова вылезти сухим из воды, во всех смыслах, а Настя оказалась в патруле, с отметкой в послужном досье,

еженедельным копанием в грязном детском белье – мозгоправ относился к своим обязанностям очень ответственно и скрупулёзно, и вот теперь с этими странными снами.

Снами, в которых её спасал Веласкес.

– Сволочь, – она плеснула себе в лицо тёплой мыльной водой, попала в глаз, он тут же покраснел и защищал. – Встречу – пристрелю.

Новое начальство прямо перед праздниками ввело новый график – профсоюз полицейских посчитал, что условия работы у них слишком суровые, и отменил у патруля сверхурочные, а заодно и выплаты по ним. Теперь экипажи отправлялись ловить пьяных и обдолбанных горожан в десятичасовые смены, с перерывом в целые сутки. В воскресенье Настя как следует набралась в баре, празднуя первый день года, и спать легла только под утро. Она надеялась, что суточное бодрствование спасёт от проклятых снов. Не вышло, как и всегда.

Смена понедельника занимала всю вторую треть, формально Волкова считалась старшей в группе, спасибо всё тому же профсоюзу, не дали её разжаловать в обычные рядовые офицеры. Но и так было уже понятно, что выше второго детектива в этом участке ей не прыгнуть никогда. Когда Настя подъехала к отделу, в машине её ждал патрульный Хуан Рунге.

– Что сегодня, детектив? – вежливо спросил он.

Рунге был амбициозным молодым человеком и считал,

что служба в патруле – это лишь первая ступень к капитанской должности. Ему было двадцать три, в июле прошлого года он с отличием закончил академию, успев до этого прослужить три года в пожарной охране, и уже получил вторую ступень. На груди у патрульного висел целый ряд значков, в том числе за меткость и спасение людей.

– Как всегда, – Настя уселась на пассажирское сиденье, проверила, надёжно ли держится карабин над боковым стеклом и работает ли кондиционер. Тот включался, но только гонял горячий воздух, значит, предстоял очень весёлый и очень жаркий день. – Обычный маршрут, Хуан. Сначала проверим, не подмешивают ли чего-нибудь в пиво в баре на углу Шестой и Цветочной. Рожа у хозяина уж больно подозрительная.

Вызов поступил, когда она давилась пончиками с черникой рядом с кондитерской на бульваре Первых Поселенцев. Рунге вежливо ждал.

– Код 22–01, – ожила рация, на ветровом стекле появилась проекция карты с отметкой. – Площадь Сервантеса, перестрелка, всем патрулям.

– Чёрт, – выругалась детектив, поймав просящий взгляд патрульного. – Давай мы притворимся, что не слышали ничего? Нет? Хочешь посмотреть, как одни люди убили других людей? Чёрт, ладно, поехали.

Машина рванула с места так, словно под капотом стоял реактивный двигатель. Молодой патрульный не мог упустить

такое серьёзное дело и гнал что есть силы. На место они прибыли через двенадцать минут после вызова, к этому времени площадь уже оцепили, и приехавшие раньше них полицейские выводили людей с открытых мест. Возле закусочной Хорхе стояли две машины парамедиков, и ещё одна уезжала в сторону Верхнего города. Ещё одно тело с наклепленной на шею аптечкой лежало в ожидании следующей машины, с лужицей крови возле головы. Это значило, что стреляли прицельно, наверняка снайпер, и судя по кучной расстановке конусов на площади, откуда-то сверху. Настя подняла голову и увидела разбитое стекло технического этажа.

— Что вы тут делаете, второй детектив? — слышался сзади голос.

Волкова обернулась, сплюнула и выругалась так мастерски, что стоявший неподалёку пожилой полицейский уважительно на неё посмотрел.

Сержант Уэст из первого участка полиции Нижнего города был неплохим человеком, в другом месте и в другое время Настя с ним бы договорилась и наверняка смогла тоже поучаствовать в расследовании, но момент был явно неудачный. Лейтенант Понизов должен был уйти на пенсию в этом году, Уэст метил на его место и сейчас из кожи вон лез, чтобы показать свою исключительность, раз уж такое дело выпало. Другим детективам отводилась роль пчёл, собирающих мёд улик и несущих в улье его, Уэста, успеха, а всяким понаехавшим патрульным, вроде Насти, место было в оцеп-

лении. Так он ей и сказал.

– Переаттестация через семь месяцев, – напомнил он Волковой, когда та заикнулась о том, что тоже, в общем-то, детектив. – Надеюсь, эту ошибку исправят, и ты наконец будешь с нами. А до тех пор, Стейси, не мешайся под ногами.

– Фрэнк, ну пожалуйста, – Настя постаралась изобразить на лице самое жалобное выражение из её доступных. – Ты же знаешь, каково это – сидеть в патруле.

Получилось плохо и неубедительно, но сержант внезапно расщедрился. Возможно, потому, что Волкова была действительно неплохим детективом и могла принести ему пользу. Или потому, что он не хотел спорить с сумасшедшей.

– Ладно, опроси людей в том здании напротив, они наверняка что-то или кого-то видели. Всё, иди.

Сержант и вправду был занят – на такт-очки приходила информация с камер, дроны над площадью снимали место преступления, и вот-вот должен был подъехать сам капитан полиции Нижнего.

– Семь человек, – полицейский, который сопровождал Волкову и Хорхе до офисного здания, охотно делился тем, что узнал. – Четыре трупа и трое раненых, одного из них в шею подстрелили, его в госпиталь Святой Марии вот только что увезли. Этот парень отстреливался и попал убийце прямо в глаз. Представляете, детектив, с места, почти не целясь, через всю площадь прикончил этого ублюдка. Я вам вот что скажу, он герой, настоящий герой.

За короткое время в ратуше и возле неё собрался весь руководящий состав полиции Нижнего, капитана отчитывал мэр, лейтенанты подгоняли своих подчинённых, криминалисты работали с трупами внизу, баллистики засели на том этаже, где нашли кровь и вещи снайпера. Волкова пробыла на площади Сервантеса около двух часов, успев за это время опросить охрану здания, сотрудников фирм на последнем этаже и просмотреть записи с камер. К трупу стрелка её не пропустили, там занимались своим делом те, кто был на хорошем счету у начальства, поэтому она отдала Уэсту то, что накопила, а потом уехала в управление, составлять отчёт. Это заняло у неё еще примерно час, информация всё время поступала, появились списки жертв.

Без десяти минут до конца второй трети она решилась и сделала телефонный звонок, а ещё через пять минут толкнула дверь в кабинет нового лейтенанта.

– Чего тебе? – Рауль Торрос, высокий, под два метра, мощный брюнет с решительным подбородком и короткой стрижкой, недовольно посмотрел на детектива. Торроса перевели из Модены в октябре, когда лейтенант Эскобар наконец-то перебрался в Бюро спецопераций.

– Вот, – Настя положила перед ним планшет, ткнула пальцем в нижнюю часть.

– Объясни.

– Алекс Лещинский, ранение в грудь, сейчас в больнице

Винсента. Он живёт на нашем участке, лейтенант, мы можем потребовать свою долю в расследовании. Я уже запросила разрешение.

– Что ты сделала?

– Позвонила в департамент и сказала, что мы обязаны опросить пострадавших жителей нашего участка. Они, естественно, были против, но я зарегистрировала свой звонок. Статья 18-5 общего регламента, они могут отмахнуться, но в деле это останется.

Лейтенант покраснел, левой рукой ухватился за узел галстука, а другой – потянулся к пистолету, лежащему на столе, Настя на всякий случай отступила подальше от стола и поближе к двери. Но Торрос неожиданно расхохотался.

– Мне до пенсии, детектив, осталось двадцать лет, капитаном всё равно не быть, в крайнем случае переведут куда-нибудь в Ньюпорт или Сентаменто, лучше уж там, чем в этой дыре. Или на Свободные территории, в тот же Кейптаун, ты ведь была там? Никаких бумаг и регламентов, видишь преступника – стреляй, не остановится – убей, вот это настоящая работа, а не то, чем тут занимаемся. Но пока мы здесь, должны соблюдать правила. Правила, детектив, а не регламенты.

– Лейтенант Торрос, – Настя оперлась о стол руками и прогнула спину, ткань футболки натянулась, обтягивая грудь и подчёркивая отсутствие бюстгалтера, – ну пожалуйста, это моё дело.

У лейтенанта была жена, трое детей, подружка в участке и ещё одна, которая осталась в Модене, подобные фокусы его не впечатляли. Волкова постояла так несколько секунд, вздохнула, забрала планшет.

– Послушай, – Торрос откинулся на спинку кресла, – я понимаю, чего ты хочешь, это ведь тот парень, за которым ты гонялась летом? Павел Веласкес, ранение в голову, больница Святой Марии, наша новая будущая знаменитость?

– Какая знаменитость?

– Ты что, кабельное не смотришь? По всем каналам перестрелка в записи, этот паршивец не только прикончил убийцу, и теперь того не допросить, у него ещё камера была включена репортёрская, так что, как только разрешат дать полную информацию, он прославится. По его милости полиция в полном дерьме. «Ньюс» знает больше, чем мы, каждый из нас мечтает надеть на этого парня наручники и как следует раскрасить ему рожу дубинкой. Ладно, Волкова, ступай к Лопез, пусть готовит приказ о переводе, с Уэстом я договарюсь.

– Так просто? – Настя недоверчиво прищурилась. – В чём подвох, лейтенант?

– Дело на контроле у капитана, его того и гляди заберёт себе Бюро, если окажется, что стрелок как-то с их подопечными связан. Такое выпадает раз в десять лет, Уэст вон в лейтенанты уже метит, а наш участок к этому вообще никакого отношения не имеет, в лучшем случае наши преступ-

ники – мелкие воришки и мошенники или обдолбыши, гадающие в бассейн соседу; на них полосы и звёзды не зарабатываешь. Так что это твой шанс, Волкова, справишься, верну тебя к настоящей работе, нет, отправлю в отставку. Говорят, ты была неплохим детективом до того, как начала бегать за этим магом и съехала с катушек.

– На самом-то деле ты очень хочешь от меня избавиться, Рауль, правда?

– Ещё как, Волкова, ты у меня в печёнках сидишь. А теперь вон отсюда, мой рабочий день закончен, и мне пора к жене, детям и телевизору, чёрт бы их всех побрал.

* * *

Павел всё время был в сознании. Пуля пробила гайморову пазуху, разворотила верхнее нёбо, прошла через гортань, и теперь на шее в том месте, где она вышла, была рваная рана. До позвоночника пуля не дотянулась совсем немного, кровь почти не текла – он постарался, но всё равно рана была серьёзной. Поэтому он не стал мешать парамедикам, которые погрузили его в машину и подсоединили к стабилизационному аппарату.

– Это маг, – один из парамедиков наконец обратил внимание на левую руку, – что будем делать?

– То же, что и с другими, – второй, старше и спокойнее, запустил реанимационную программу, больше ничего от эки-

пажа скорой помощи не требовалось. – Едем в больницу, там пусть и решают.

Машина неслась на высокой скорости, проскакивая прижавшиеся к обочине автомобили и мотоциклы, и затормозила только на пандусе пятого корпуса госпиталя Святой Марии. Там их уже ждали санитары, они вытащили носилки с Веласкесом, погрузили на самоходную тележку и направили её в распахнутые двери.

Медсестра повторила почти слово в слово то, что сказал парамедик.

– Доктор Шварц, это маг, что мне делать? – спросила она у врача, пожилого человека с круглым животиком и золотой оправой очков.

Тот проходил мимо и остановился, увидев тележку с Павлом.

– Лечить, – спокойно ответил Шварц, – маг – такой же пациент, как и остальные. А я ведь знал, что добром эти праздники не кончатся, надо было устроить себе дополнительный отпуск. Смотри, молодой человек в сознании, дышит ровно, говорить не может, но всё понимает. Идеальный больной. Пусть им займётся доктор Гомеш, она как раз освободилась.

– Но как же Служба контроля, по инструкции мы обязаны им сообщить?

– Вот и сообщите, но сначала – лечить. Мы ведь для этого здесь, милочка, не так ли?

Доктор Шварц потрепал медсестру по пухлой щеке и

умчался дальше. А Павла начали передавать из рук в руки. Сначала его пропустили через томограф, выяснили, что пули в голове нет, а сам мозг не повреждён. На отверстия легли регенерационные заплатки, в макушку вошла длинная игла, на случай гематомы, которая так и не появилась. Потом появился анестезиолог, осмотрел Веласкеса и сказал, что препараты он на мага тратить не будет, потому что это, по его опыту, бесполезно. И Павел с ним согласился, даже палец прижал возле соответствующей отметки на планшете, прикреплённом к его каталке.

– И как я его буду резать, на живую? – в операционной появилась высокая молодая женщина, черноволосая, с подтянутой фигурой. Нос с горбинкой и тонкие губы придавали её усталому лицу хищное выражение. Она уселась за пульт управления, проверила настройки медицинского робота. – Леонард, сделай хоть что-нибудь.

– Седация на него не подействует, но, если тебе так будет спокойнее, могу ввести ему в третий позвонок нейроблокатор, – анестезиолог воткнул Павлу в шею иглу с чипом, проверил соединение со своим планшетом и убежал в другую операционную.

– Пациент гипотензивный, – слышался ещё один голос, в поле зрения никого не было. Павел заставил сердце биться чуть чаще, давление должно было подняться.

– Пульс сорок пять, давление сто десять на семьдесят пять.

Доктор Гомеш встала так, что Павел мог её видеть. В руках она держала длинный зонд.

– Знакомое лицо, – хирург провела палочкой, отклеивая регенерационный пластырь, и ввела зонд в щёку. – Кажется, я тебя где-то видела. Лежи спокойно, не дёргайся.

Павел хотел бы ответить, но не мог. Зонд прошёлся по всему пути пули, от скулы до затылка, выводя перечень повреждений и заполняя рану стабилизирующим гелем. Часть геля попала в горло, но помпа, отсасывающая слюну, удалила заодно и излишки стабилизатора. В тех местах, где пуля пробила соединительную ткань, после удаления зонда появились заплатки, гель убирал следы воспалений. Следующий зонд вошёл в голову Павла через нос, хирургический эндоскоп собирал кости и хрящи, скрепляя их клеем, и удалял ненужные, по мнению врача, кусочки. Веласкесу каждый кусочек ткани был дорог, но спорить он не стал – через несколько дней на месте удалённой появится новая.

Обычный человек с таким ранением мог проваляться неделю, а то и месяц, пока сосуды заживут достаточно, чтобы не было угрозы обширного кровотечения, маги короткими сеансами по сотне секунд сокращали этот срок в два-три раза. После неудавшегося самоубийства в коконе со способностями творилось что-то непонятное, но Павел был уверен, что управится максимум за три дня, и ещё столько же понадобится, чтобы полностью восстановиться.

– Ну вот почти всё, – третий зонд вошёл в рот, через пи-

щевод добрался до желудка, потом вылез обратно. Иглу из макушки вытащили, и из позвоночника – тоже. – Как же тебя зовут, имя какое-то русское? Точно, Павел, да? Ладно, сеньор Веласкес, утром увидимся, я перешлю результаты доктору Шварцу и попрошу зайти доктора Биркин, пусть убедится, что глаз в порядке.

Медсестра, пухлая молодая женщина с веснушками, отвезла Павла в палату, где из четырёх кроватей были заняты две, поставила Павлу капельницу с регидратационным раствором и антибиотиком, хихикая, натянула на него памперс и громко заявила, что у магов, оказывается, всё точно так же, как у людей. Павел не протестовал, уж болеть так болеть. И не стал убеждать сестру, что для него содержимое капельниц ничем не отличается от обычного физраствора.

* * *

Центральное отделение Бюро специальных расследований располагалось в длинном трёхэтажном здании в пяти километрах от Нижнего города и в двух километрах от Каменного шоссе, съезд, раздолбанная грунтовая дорога, отходил от шоссе по ходу движения к Майску. Ни одно окно не светило на фасаде, стёкла со специальным покрытием надёжно блокировали исходящий свет и почти свободно пропускали безопасный спектр входящего, водители машин и мотоциклов, проскакивающие мимо, и не подозревали, что

по меньшей мере сотня человек из пятисот, приписанных к центральному отделению, до сих пор сидит на своих рабочих местах.

Грунтовая дорога заканчивалась через двадцать метров, дальше к зданию шло двухполосное шоссе с отличным покрытием, оно петляло, уходя от рельефа местности, и заканчивалось на площадке у четырёх блокпостов с вышкой охраны. Посетителя ждала тщательная проверка, на постах транспорт сканировали и осматривали.

Средних лет женщина, ухоженная, в элегантном тёмно-синем платье и такого же цвета туфельках, с тщательно уложенными волосами и аккуратным макияжем, припарковала кабриолет на промежуточной стоянке через шесть минут после того, как свернула с шоссе, – этого хватило, чтобы доказать свою личность и безопасность. Моросил мелкий дождь, прозрачный зонтик, лежащий на пассажирском сиденье, пришелся как нельзя кстати – от стоянки до третьего подъезда, предназначенного для посетителей, было не меньше ста метров.

– Комната триста девятнадцать, мэм... – Сотрудник Бюро с нашивками капрала, совсем молодой ещё парень, протянул ей служебную карточку. – Пользуйтесь вторым или четвёртым лифтом. Начальство я предупредил.

– Спасибо, капрал, – женщина мягко улыбнулась. Лицо, ничем не примечательное, от улыбки сразу похорошело.

Майор в форме Сил обороны, только что появившийся в

холле, быстрым шагом подошёл к турникету и чуть слышно присвистнул, когда красотка направилась к лифту, еле заметно покачивая стройными бёдрами. Подтянутый зад и прямая изящная спина приковывали взгляд ничуть не меньше.

– Горячая штучка, – подмигнул он капралу. – Нам такая цаца не по зубам, но помечтать-то можно, правда?

Тот покраснел и кивнул, возвращая военному значок.

Майор приложился глазами к сканеру и поспешил за незнакомкой.

Женщина, дойдя до следующего холла, притормозила, где находятся второй и четвёртый лифты, она не знала, а указателей в вестибюле не было.

– Нам сюда, – майор вежливо, без нажима, подхватил её под руку, – я в первый раз тоже не мог ничего найти, Бюро – слишком секретная организация. Всего-то и надо, что зайти за эту колонну, вот, наш лифт второй. Третий этаж, правильно?

– Уверена, вы тоже к агенту Родригес, не опоздаем? – голос у женщины был низкий и очень мелодичный.

Руку она отнимать не стала, с интересом посмотрела на майора. Тот был высок, хорош собой, волосы чёрного цвета, зачёсанные назад, были на три сантиметра длиннее положенных по уставу, карие глаза смотрели настойчиво, но без нахальства, чётко очерченный овальный подбородок и твёрдые скулы придавали лицу внушительности. Китель сидел на майоре как влитой, две нашивки на левом рукаве означали,

что военный был два раза ранен. На правой стороне груди висела красно-коричневая колодка медали Почёта, рядом с ней красная с двумя белыми полосками по краям – орден Мужества. Планки с именем на кителе не было.

– Совещание без нас не начнут, здорово, что мы появимся там вместе, – майор забавно сморщился, – а вот и наш лифт. Прошу.

Комната триста девятнадцать находилась в одном из боковых ответвлений от главного коридора на третьем этаже. В центре её стоял круглый стеклянный стол с расставленными возле него кожаными креслами. Стол был большим, кресел девять, из них занятых – всего три.

Начальник отдела Диана Родригес, увидев входящих в комнату майора и женщину, чуть приподнялась, а Марк Эскобар, сидящий рядом с ней, вскочил и кивнул головой. Третий, мужчина в очень дорогом синем костюме, долговязый, с недовольным бледным лицом, слегка скривился при виде гостей.

– Давай, Марк, – сказала Родригес, когда гости уселись, – введи всех в курс дела.

– Хорошо, – Эскобар приподнялся, развернулся к экрану, на котором появилось семь фотографий вокруг восьмой, одна фотография была закрашена серым. – Каждый из вас меня знает, но ещё раз представляюсь, для протокола – лейтенант Марк Хосе Эскобар. Я назначен куратором расследова-

ния убийства на площади Сервантеса. Мы собрались здесь, чтобы решить, как и в каком объёме наша и ваши службы будут допущены к сведениям об участниках перестрелки, что мы можем предоставить полицейскому расследованию, и сможем ли мы в него вмешаться. Обычный порядок вам известен, но с учётом обстоятельств – обычной бюрократии не будет.

Незнакомка мило улыбнулась и кивнула.

– Мы почти все друг с другом знакомы, – продолжал Марк, – но всё же я назову присутствующих. Судья Суон, по сути, он здесь главный, мы, ваша честь, только исполнители воли закона.

Долговязый важно кивнул.

– Майор Патрик Кавендиш, Силы обороны острова. И Вера Барская, старший инспектор отделения Службы контроля в Сидаже Алта.

Женщина снова улыбнулась.

– Как вы знаете, у нас семь жертв, из них четверо убиты, двое находятся в больницах, один – в критическом состоянии, ещё одна жертва отделалась царапиной и исчезла. И один убийца, который также мёртв. По протоколу, расследование любого убийства с количеством жертв больше шести Бюро может забрать себе, даже если пострадали только обычные граждане и дело находится в исключительном ведении муниципалитетов и полиции. У нас есть веские причины для того, чтобы заняться этим убийством, ваша честь.

– Должны быть очень веские основания, молодой человек, – медленно сказал судья, скривившись, – которые оправдают то, что мне не удалось поужинать с семьёй. Я прочитал доклад капитана Стасова и пока не вижу никаких причин для того, чтобы позволить вам всем вмешиваться в дела полиции, седьмую жертву вы явно приплели для нужного количества, но, если вам есть что сказать, прошу. Начнём с вас, шеф-агент Родригес.

Вера провела языком по губам, заставляя судью ещё сильнее сморщиться. Диана подавила улыбку.

– Вам всем выслали материалы дела... На мой взгляд, оно не так однозначно, как пишет пресса и считает полиция, – Родригес поднялась, подошла к экрану. – Мы не знаем, кто истинная жертва, четверо убиты, нам надо понять, что их связывает с убийцей. Если Кевин Баум хотел прикончить своего сослуживца из ревности, как утверждают работники его офиса, зачем он стрелял по остальным? И почему пятеро получили пулю в голову, а двое – в туловище? Любой из семерых, включая Веласкеса, мог быть целью преступника, и Бюро считает, что компетенции и возможностей полиции может не хватить для установления истины.

– Хорошо, – Суон только рукой махнул. – Что-то ещё?

– Баум и Веласкес, – Родригес кивнула. – Оба отлично стреляли. У Баума, обычного офисного клерка – семь выстрелов и ни одного промаха, облегчённые пули с бронебойной головкой, такие гражданским не продаются. У Веласкеса

пистолет с разгонным блоком и попадание с трёхсот метров. К Силам обороны и Службе контроля есть вопросы.

– И они на них ответят, – кивнул судья. – Инспектор?

– Старший инспектор, – Вера подмигнула судье, показывая, что ничуть не обиделась, – в перестрелке замешан маг, задача Службы – выяснить, не применялись ли им для этого свои способности, точнее, не было ли злоупотреблений ими. Поэтому я требую доступа к материалам расследований. Взамен я готова поделиться с Бюро тем, что мы узнаем сами.

– Уж не пустым ли досье? – Диана Родригес усмехнулась.

– Я предоставлю результаты всех обследований Павла Веласкеса за то время, когда он находился в столице, – пообещала Барская. – И запрошу то же самое в отделении на Свободных территориях. Это тебя устроит?

– Вполне, дорогая, – Диана кивнула. – Получу ли я то же самое от Сил обороны?

– Нет, – не раздумывая, ответил Патрик Кавендиш. – Силы обороны не предоставляют полных сведений о своих сотрудниках. Только общие данные.

– О ком именно ты сейчас говоришь? – Родригес прикусила нижнюю губу, прищурила глаза. – О Бауме или Веласкесе?

– Хватит, – судья хлопнул ладонью по столу. – Устроили здесь цирк. Патрик?

– Хорошо, – Кавендиш приподнял уголки губ, едва заметно пожал плечами, словно показывая, что ничего важно-

го присутствующие не услышат, – Кевин Баум, капрал-рейнджер. Уволился из Сил обороны в триста пятнадцатом году, два дисциплинарных взыскания, ничего серьёзного. Уровень допуска низкий, обычный солдат. Всё, что я могу – передать результаты его тестов по стрельбе, но сразу скажу, ничего выдающегося. Я посмотрел материалы, из винтовки с подключёнными такт-очками и снайперской перчаткой даже ребёнок застрелит кого угодно.

– Веласкес тоже служил в Силах обороны, – заметила Вера, игнорируя взгляд судьи. – Что вы можете о нём сказать? Он ведь ваш родственник, не так ли? Как только я услышала фамилию Кавендиш, вспомнила, почему у него в деле стоит особая отметка.

– Павел Веласкес сдавал норматив на сержанта-снайпера, но не добрал нескольких очков, – Патрик ничуть не смутился. – Сведения о временных сотрудниках Сил обороны, если те не поступают на службу, доступны через пятнадцать лет после окончания испытательного периода. Именно тогда вы сможете получить их в архиве департамента безопасности.

– Значит, он мог попасть из пистолета в убийцу на таком расстоянии? – спросил судья.

– Если стоит разгонный блок – да, – не раздумывая ответил Кавендиш. – Павел отлично стрелял, у него был превосходный наставник, один из лучших, если парень не бросил тренировки, думаю, ему не надо было даже браслет снимать, чтобы прикончить убийцу.

– Так ты считаешь, что он регулярно тренируется? – Родригес оживилась.

– На Свободных территориях любят стрелять, а у рейнджеров он получил хоть и короткую, но очень эффективную подготовку. И действовал стандартно.

– Что ты имеешь в виду? – вздохнув, спросил судья.

– Он выстрелил короткой очередью. Разгонный блок в «глоке» вмещает три заряда, потом идёт перезарядка, она занимает полсекунды, патроны безгильзовые. Нажимная планка реагирует на движения пальца, скорость стрельбы можно увеличивать и уменьшать. На каждый выстрел тратится минимум одна десятая, отдачи практически нет, если бы противник стоял на открытом месте, первый же выстрел должен был его прикончить. Но пистолетная пуля не предназначена для поражения цели за препятствием, она слишком лёгкая и быстро теряет убойную силу. Поэтому первое попадание было в стекло, этим Веласкес убрал препятствие, вторая пуля попала в плечо, чтобы нейтрализовать цель. Скорее всего, на этом всё бы и закончилось, но Баум – левша, и это не мешало ему выстрелить. Третья пуля – в голову, добивающая, когда нет смысла оставлять противника в живых, у Веласкеса не было выбора, брать стрелка в плен или прикончить. Он увидел жертв, цель, потом уничтожил её. Видно, что пауза перед третьим выстрелом в два раза больше, чем перед вторым, он успел проанализировать ситуацию и принять решение.

– Спасибо, майор, – судья кивнул, поднялся со своего места. – Ваши объяснения приняты. Хочу напомнить вам всем, что в первую очередь вы должны отстаивать не позиции собственных ведомств, а интересы народа Сегунды. Как вы знаете, Эйтор Гомеш только недавно занял пост капитана полиции Верхнего города, капитан полиции Нижнего города Стасов в марте уйдёт на пенсию, и участки двух частей столицы объединятся. Любой промах и Гомеша, и Стасова неприемлем, в этой ситуации меньше всего нужно, чтобы люди сомневались и в самой полиции, и в её способности проводить расследование. На мой взгляд, убийство из ревности – самое подходящее и самое разумное объяснение тому, что произошло, полиция должна закрыть дело не позже пятницы, если никакие другие критически важные обстоятельства не всплывут. К этому времени я сниму запрет на публикацию имён и изображений участников перестрелки и их связи с медиа.

Он достал из кармана деревянный молоточек, хлопнул им по столу.

– Я, старший судья округа Сидаже Алта и относящихся к нему протекторатов, второй секретарь коллегии Высшего суда Сегунды, решил предоставить полиции исключительное право провести это расследование. Бюро, Силы обороны и Служба контроля получают доступ ко всем материалам, но не будут вмешиваться. В свою очередь Силы обороны и Служба контроля предоставят Бюро данные по Павлу Веласкесу и

Кевину Бауму. Бюро передаст полиции ту часть полученных данных, которую сочтёт необходимой. Я не вижу оснований считать сеньора Веласкеса замешанным в это дело, суд будет следить, чтобы интересы города не пострадали, но, если сочтёт нужным, поручит Бюро провести собственное расследование. Это расследование не будет подлежать огласке в интересах Сегунды и общественного спокойствия и может быть начато не ранее семи часов второй трети седьмого января. Бюро обеспечит полную секретность дополнительного расследования, если оно вообще понадобится. Понятно?

Диана Родригес кивнула. Кавендиш пожал плечами – Силы обороны могли при желании получить доступ к чему угодно, визит сюда был простой формальностью.

– Вера, я знаю, ты любишь спускать на магов всех собак. Не переусердствуй, – Иржи Суон ткнул узловатым пальцем в сторону старшего инспектора. – Я разговаривал с мэром, позиция муниципалитета однозначна, этот Веласкес пока что герой, если полиция ничего на него не нароет, с субботы его лицо будет на всех каналах, хотя, думаю, люди о нём узнают раньше.

– Полиция, – пренебрежительно протянула Родригес, – если их ленивые задницы заставить работать, может, что-то и получится. Только во главе этих задниц выскочка из Гомешей, которого покрывает его папаша, что бы Эйтор ни вытворял.

– С субботы, – повторил судья, – и если вдруг потом ока-

жется, что Веласкес замешан в грязных делишках, никто об этом не должен узнать.

Глава 3. Виктор Лапорт

2 января 335 года от Разделения, понедельник

Сто тридцать лет назад власти Майска решили, что их город слишком хорош для бурной ночной жизни. В четырёх километрах от порта находился остров Беринга, в восточной части которого русские когда-то начали строить военную базу, достаточно плоский, чтобы не вкладывать много сил в его освоение, и недостаточно большой для нового города. Остров Беринга отлично подходил для отдыха, и на нём буквально за десяток лет выросли гостиницы, клубы, рестораны, концертные площадки и прочие развлекательные заведения.

В девять часов первой трети высокий и очень худой молодой человек с длинными светлыми волосами, перетянутыми в хвост, не дожидаясь трапа, спрыгнул с рейсового катамарана прямо на пристань. Катамаран курсировал между грузовым портом Майска и островом Беринга и был переполнен – граждане Параизу возвращались от развлечений к обычной пресной, будничной жизни.

– Вот чумовой, башки ему своей не жалко, – штурман покачал головой и почти сразу забыл об этом пассажире.

Пассажир не ушибся, ничего не сломал и не подвернул, быстрым шагом он прошёл мимо поста контроля порта, арендовал мотоцикл в одном из прокатных бюро, которые располагались в длинном одноэтажном здании с плос-

кой крышей, там же купил мотошлем с активным визором и выехал на четырёхполосное шоссе.

Порт находился в большой бухте, окружённой скалами со всех сторон, именно в этом месте глубина океана позволяла крупным судам доходить до самого пирса, сам же город, хоть и считался портовым, находился в пяти километрах южнее, растянувшись к южному побережью на пятнадцать километров.

Молодой человек ехал не спеша, пропуская несущиеся фургоны, кабриолеты и пикапы; одна часть потока машин уходила на Каменное шоссе, ведущее к столице, другая – на север, к Кейптауну, он же вместе с оставшимися свернул налево, туда, куда показывал указатель «Майск».

Сверясь с картой в визоре, пассажир катамарана поплутал по кривым улицам, плотно утыканным зданиями старой постройки, и остановился возле небольшого магазинчика, располагавшегося в подвале обшарпанного дома и торгующего музыкальными инструментами. Колокольчик звякнул, когда он спустился вниз. Прилавок в магазине отсутствовал, в центре зала стояла стойка с гитарами, по левой стене в несколько рядов были разложены клавишные, правую занимали саксофоны с трубами и микшеры. Напротив входа стояли длинный кожаный диван и два журнальных столика, на диване сидела девушка в топике и кожаных шортах, с татуировками на бёдрах и предплечьях.

– Эй, привет, – она помахала гостю рукой, – чего надо?

– Гитару хотел купить, – покупатель не спеша обошёл стойку, взял одну, провёл пальцем по грифу, положил обратно. – Мне сказали, здесь есть стоящие вещи.

– Этого добра у нас хоть задницей ешь, – девушка прикурила сигарету, выпустила клуб дыма. – Что ни вещь, так стоящая. Смотри, вон Смоллов стоит, который с чёрным грифом, прямо из Сентаменто, там отличная мастерская. Может, слышал?

– Мастерская хорошая, – согласился парень, – только вот именно эту гитару они не делали. Палево.

– Смотри-ка ты, разбираешься, – продавщица щелкнула пальцами, отправляя недокуренную сигарету в пластиковую коробку, стоящую в углу. Рядом с коробкой валялось несколько окурков. – Ну и что, так-то нормальная банка, из Хай-чена получаем, от настоящей не отличить. Струны с серебром, гриф из венге, елочь пальцами, пока не протрутся до костяшек.

Посетитель повернулся, чтобы уйти.

– Да погоди ты, – девушка хлопнула по кожаной обивке. – Эй, Филин, тут ценитель припёрся, иди взгляни.

Из подсобки вышел коренастый мужчина с небольшой бородкой, лысый и без бровей. В левой руке он держал чашку кофе.

– Что хотел?

– Я от Чокнутого, – молодой человек вздохнул. – Он сказал, тут можно инструмент взять.

– Чокнутого? Видел тебя у них, ты же на басах вроде играл. Не помню, как звать.

– Виктор. Можно просто Вик.

– Тебе, Вик, надо было сразу меня спросить, а не с этой пигалицей тереть. Стой тут.

Пигалица фыркнула, Филин скрылся в подсобке, появился обратно с гитарой в руке.

– Настоящий Смолов, лично выбирал, не скажу, что штучная работа, но на каждый день сойдёт. Гриф – наборный венге, задняя дека и обейчатка – махагон, накладка из палисандра, струны с посеребрением. Тридцать сотен, для тебя – двадцать семь. Четыре набора струн в подарок. Если что действительно стоящее надо, только на заказ. Берешь?

– Да, – покупатель, не торгуясь, достал несколько пластиковых карточек. – На первое время возьму.

– Чокнутому – привет, – Филин не пересчитывая засунул карточки в карман. – Что ещё хотел?

– Место мне нужно, где пожить и позаниматься. Лучше, чтобы людей поменьше вокруг, я по ночам люблю играть, а антирезонаторы ставить не хочу.

Хозяин магазина задумался.

– Эй, Филин, – девушка поднялась с дивана, потянулась, натягивая топик на небольшую грудь, – у Янки ведь дом пустует? Вик, слушай сюда, вариант жирный. Три комнаты на втором этаже, кухня оборудованная, подвал, мебель вся есть, вода из собственной скважины, и всё это богатство двена-

дцать сотен за месяц.

– Далеко?

– Не, рядом почти, если в порт ехать, на Камень надо свернуть, через три километра на старую дорогу, там посёлок, а дальше по дороге в пяти минутах бывшая ферма, хозяева её лет двадцать назад бросили, на ней раньше сторож жил, а теперь и он уехал. До города рукой подать, до столицы полтора часа по трассе, тишина и лес кругом. Девоч будешь водить, никто слова не скажет, это место к Майску уже не относится. Посёлок – да, а ферма на Свободных территориях. Можем туда прокатиться, я тебе всё-всё покажу, не пожалеешь.

Последняя фраза прозвучала двусмысленно, девушка ещё и губы облизала. Вик посмотрел на Филина, тот усмехнулся, покачал головой и снова скрылся в подсобке, прикрыв за собой дверь.

3 января 335 года от Разделения, вторник

Павел проснулся от того, что на него кто-то смотрел. Пожилой мужчина в белом халате сидел, сложив руки на животе, золотая оправа очков блестела в лучах пробивающегося через жалюзи Сола. Кроме них двоих, в палате никого не было, остальные кровати стояли пустыми.

– В больнице день начинается рано, – заметив, что больной проснулся, врач ободряюще улыбнулся, – все уже на процедурах. Я – доктор Шварц.

– Я вас видел, – Веласкес прислонил подушку к стене,

уселся, горло сильно саднило, говорить он мог с трудом и очень тихо, но доктора Шварца это не смутило, – вчера, и ещё когда брал репортаж у пожарных в прошлом году. Вы ведь здесь главный, да?

– Именно так, самый главный врач, – мужчина открыл планшет, в кровати что-то негромко, но противно зажужжало, с минуту молчал, внимательно изучая скрытый от Павла экран. – И что мне с тобой делать, молодой человек, не представляю. Заживление идёт своим чередом, говоришь ты почти нормально, речевой аппарат стабилизировался, лекарства давать бесполезно, у вас, магов, с этим большие проблемы, фиксирующий каркас, который тебе вчера ввели, почти полностью разрушился, связующий гель тоже исчез. Врачей для эсперов у нас своих нет, но через час подъедет доктор Мелендес, осмотрит тебя, и, если скажет, что медицина в твоём случае бессильна, отправишься домой когда захочешь. Но я бы советовал тебе провести здесь несколько дней, еда у нас вкусная, медсёстры тоже ничего, ласковые и внимательные.

– Нет, лучше дома поболею.

– Ну как знаешь, – Шварц покивал головой, похлопал парня по руке, – Веласкес – это ведь испанская фамилия?

– В моём случае – русская, – Павел улыбнулся.

– У тебя есть родственники, которым мы должны тебя передать?

– Я сам справлюсь, – у Павла возникло неприятное ощу-

щение, будто этот Шварц зачем-то пытается ему понравиться.

– Отлично, тогда дождёмся Тима. Не удивляйся, что я так его называю, мы с Мелендесом старые друзья, ещё с тех пор, как здесь, в Верхнем городе, инспектором был Кавендиш. Лежи, отдыхай, на всякий случай пришлю к тебе доктора Биркин, пусть осмотрит глаз.

Павел нерешительно кивнул, то, что Шварц упомянул дя-дю Элая, его ещё больше встревожило.

Доктор, чуть прихрамывая, вышел из палаты, куда сразу впорхнула медсестра, не торопясь дошёл до соседнего корпуса, поднялся в свой кабинет на последнем этаже.

– Мы зря теряем время, – он уселся в тяжёлое кожаное кресло с монограммой, свернул экран с логотипом клиники. – У него нормальный браслет, привязанный, и в том, как мальчишка восстанавливается, нет ничего необычного. Если бы он был на том острове, а потом нацепил блокиратор, и даже если предположить, что деградация почему-то идёт медленно, я бы её заметил. Служба контроля тут ни при чём, ты же знаешь, что у них нет работающего способа стабилизировать воздействие поля.

– Как он вообще попал на яхту? – женщина, сидящая на диване возле окна, помахала в воздухе сигаретой, закручивая дым в причудливый узор.

Она была одета в тёмно-синий брючный костюм, который как влитой сидел на её стройной фигуре. Светлые длинные

волосы отлично гармонировали с холодными голубыми глазами, узкое лицо с высокими скулами и тонкими изящными губами сохраняло равнодушное выражение. Голос у женщины был мягкий и пронизывающий. На вид ей было не больше тридцати.

– Купил?

– Или украл. Мы отдали Абернати яхту с открытыми документами, любой дурак мог вписать своё имя.

– Возможно, стоило спасти Виктора, – пожал плечами Шварц, на него магия голоса собеседницы не действовала, – или хотя бы задать ему несколько правильных вопросов прежде, чем его прикончили люди твоей дочери.

– Нашей дочери, Лео. Что теперь об этом говорить, что сделано, то сделано, – женщина пожала плечами. – Люди ненадёжны, мы не могли рисковать, и так слишком много внимания привлекли.

– Не думаешь, что он мог оказаться на острове вместе с другими подопытными, но с блокиратором?

– На этот счёт у Абернати были однозначные инструкции, ни одного мага с браслетом в зоне охоты быть не должно. Возможно, его оставили на яхте под нейтралом, а потом он как-то выбрался и решил, что небольшая компенсация не помешает, или сговорился с кем-нибудь из команды. Лео, мы следили за мальчиком двадцать лет, у него нет перспектив, мы и так оставили ему жизнь. А ещё яхту и двести тысяч реалов, неплохой бонус за мелкие неприятности.

– И всё же что-то меня беспокоит, надо вызвать Жерара, пусть он его осмотрит, – Шварц снял очки, отшвырнул их в сторону, – но только не здесь. Я попросил Клэр проверить Павла, но не уверен, что у неё получится, девочка ещё слишком слаба, поэтому сегодня он уйдёт домой.

– Я доверяю только тебе, дорогой, – женщина сжала окурок в кулаке, когда раскрыла ладонь, та была пуста. – Оставь мальчика при себе, понаблюдай.

– Это вызовет подозрения, мы не держим эсперов в больнице просто так, без их согласия.

– Неужели так сложно сделать то, что я прошу, – на лице блондинки промелькнуло раздражение.

– Не указывай мне, Хельга, что делать и как себя вести, – Шварц усмехнулся. – Не забывай, мы в одной лодке, и я её могу раскачать и перевернуть не хуже тебя.

– Прости, – женщина мило улыбнулась, встала. – Ты как всегда прав, дорогой. Кстати, морщины и живот тебе совершенно не идут, поторопись здесь всё закончить, пока окончательно не превратишься в нудного противного старикашку.

Шварц проводил её глазами, вызвал на экран карту Веласкеса, сделал несколько пометок.

Павлу просто так уйти из больницы не удалось.

Сначала пришла настоящая Клэр Биркин, медсестра подкатила к кровати Веласкеса диагност, врач включила син-

хронизацию его и кровати, над плоской поверхностью аппарата появилась трёхмерная голограмма головы пациента.

Биркин попросила Веласкеса снять браслет и досчитать до сорока, помечая что-то в планшете, Павла эта просьба удивила, но блокиратор он тем не менее снял. Сложнее было изобразить прилив сил, но и это прошло удачно, диагност зафиксировал увеличившуюся скорость восстановления, врач удовлетворённо кивнула.

– Пока всё отлично, – сказала она, – нерв восстанавливается. У меня ещё ни разу не было пациента-мага, если останетесь здесь, смогу вас понаблюдать, это так интересно.

Клэр Павлу нравилась, вблизи она совсем не производила впечатления хваткой циничной карьеристки, к тому же побыть объектом интереса молодой женщины он был не прочь.

– Я подумаю, – пообещал Павел.

– И доктор Гомеш вас ещё не осмотрела, если что-то пойдёт не так с вашей шеей, сами вы не справитесь. Она будет ближе к последней трети. Что вы чувствуете, когда снимаете браслет?

Разговор с Биркин растянулся на полчаса. Павел ещё раз продемонстрировал под диагностом, как касается сил планеты, они почти сразу перешли на «ты», посплетничали о городских новостях и даже нашли общих знакомых и обсудили их, Веласкес рассказал о своей работе в «Фундо Политико», а Клэр вспомнила несколько забавных историй из жизни больницы.

– Сделаю об этом репортаж, – пообещал маг, – не думал, что офтальмология – такая интересная штука, надо обязательно встретиться и выпить где-нибудь. А то я после ранения запоминаю плохо, а ты так здорово рассказываешь, ещё бы раз послушал. Или два.

– Только чтобы перед «Ньюс» отличиться?

– Ты отлично будешь смотреться на экране, – ничуть не покривил душой Павел.

– Ладно, договорились. И вообще, через год или два я стану главой отделения, а ещё через двадцать – вообще здесь самой главной, – поделилась своими планами Клэр. – Представь, будущий главный врач больницы Святой Марии, звучит, правда? Только доктору Гомеш не рассказывай, эта выскочка тоже метит на место Шварца, всюду за ним таскается, разве что не женила ещё на себе.

– Так доктор Гомеш не замужем? – уточнил Павел.

– Ты никак на неё запал? – с подозрением посмотрела на него доктор. – Эй, красавчик, уж не думаешь ли ты, что я буду ревновать? Синий чулок твоя Гомеш, только о работе и думает, был у неё кто-то, но я сплетничать не люблю.

Павел заверил, что эта Гомеш никакая не его, и что у него даже в мыслях не было за ней приударить.

– Смотри, – Биркин щёлкнула его по носу, – а то придётся тебе с глазами что-то сделать, чтобы смотрел в правильном направлении. Шучу, ты, конечно, милый и всё такое, но я тоже больше о работе думаю, чем о таких, как ты. Так что не

стесняйся, потом расскажешь, кто из нас лучше. Без обид, да?

– Да какие там обиды, где простой репортёр и где будущий главный врач, – согласился Павел.

Клэр рассмеялась, пообещала, что не сразу станет великим главврачом, и умчалась к другим пациентам. А Павлу на телефон пришёл счёт на четыреста реалов за консультацию.

– Женщины обходятся дорого, пока на них не женишься, – Тим Мелендес появился через несколько минут после того, как Клэр Биркин ушла.

Он достал из чемоданчика сканер, прицепил его к браслету и подключил Веласкеса к своему диагносту – маленькой серой коробочке с двумя огоньками, зелёным и оранжевым, они весело перемигивались, словно решая меж собой, жив клиент или мёртв.

– А когда женюсь, ещё дороже? – предположил Павел.

– Видишь, ты уже готов к семейной жизни, – маг-инспектор постучал по коробочке пальцем, но видимого эффекта это не возымело. – Как тебя угораздило сюда попасть? Как ты вообще мог позволить, чтобы в тебя попали? Павел, я разочарован, с твоими результатами, настоящими результатами, ты должен был вычислить стрелка ещё до того, как тот что-то задумал. Так, вроде ничего особо серьёзного не вижу, нарушений нет. Ты ведь тестировался в августе?

– Да.

– Помню, полная программа, – Тим подмигнул Веласкесу. – Значит, следующий короткий тест должен быть в сентябре, но поскольку тебя подстрелили и результаты могут быть с погрешностью, я, пожалуй, сдвину его ещё месяца на три. На конец января следующего года.

Павел благодарно кивнул. Одиннадцать месяцев относительной свободы его пока что вполне устраивали. А потом, на Свободных землях, он постарается, чтобы Служба его не достала.

– Отторжение проходит нормально, пробный имплант я тебе ставить не буду, зря только ценный продукт расходовать. Шварц сказал, что тебе нужно здесь ещё полежать, но я со своей стороны необходимости в этом не вижу, если считаешь, что нечего такому молодому и прыткому юноше делать в больнице, можешь отправляться домой, визу я поставил, через две минуты выписки придёт к тебе на телефон. И ещё, – тут Мелендес постарался придать лицу серьёзное выражение, – к нам в Службу уже поступил запрос из полиции, помни, что ты – маг, и усиленный допрос они могут вести только в присутствии мага-инспектора, то есть меня. Так и говори, если прицепятся. Адвокат у тебя есть?

– Да, Ломакс. Отличный парень.

– Не знаю такого, но, если понадобится, порекомендую своего. Не ты первый из наших, кто влипает в неприятности, точнее говоря, все влипают рано или поздно. Остаёшься или уходишь?

– Ухожу, – решил Павел. – Тут хорошо, но дома лучше.

– Тебя подвезти, или сам доберёшься?

– Сам, спасибо, байк уже доставили.

– Отлично. Ты же понимаешь, что я из вежливости спросил? – Тим подмигнул, поднялся, складывая планшет. – Не забудь, что я сказал про полицию, не болтай языком попусту.

* * *

– В очередь, – сержант Фрэнк Уэст только усмехнулся, когда Волкова потребовала немедленно допросить Веласкеса, – нашего стрелка хотят видеть все, начиная от капитанов, только у этого парня такой адвокат, что им придётся очень постараться. Стейси, ты, когда начинаешь дружить с головой, становишься неплохим детективом, но происходит это всё реже и реже. Торрос уже звонил мне и приказал держать тебя на коротком поводке. Знаешь, что это значит?

– Сержант!

– Это значит, что ты занимаешься своим подопечным, которого ты вписала в карточку, и только им. Если я замечу, что ты просто приблизилась к другим жертвам, даже случайно, ты будешь патрулировать движение на Каменном шоссе. Что ты стоишь? Езжай к этому Лещинскому в больницу Винсента, узнай у него всё, что он видел и не видел, и не забудь включить камеру.

Настя усилием воли подавила раздражение и почти спо-

койно уселась в седло мотоцикла, не спеша надела шлем, подключила к нему полицейский канал. Вовремя, пришёл очередной документ по открытому делу, Волкова ехидно улыбнулась, когда его прочитала. Адвокат у Веласкеса точно был не промах, он умудрился за утро получить временный судебный запрет на допрос подопечного на период восстановления. Запрет выписал судья из Ньюпорта, где Веласкес, оказывается, жил всё это время.

– Вот ведь гадёныш, – сказала Настя ласково. – Так им, наподдай.

Алекс Лещинский был обычным сертифицированным маклером из Модены, в Нижний город он переехал в октябре прошлого года и жил в пятой секции двухэтажного кондо на улице Семи Платанов. Обитателями кондо были люди разных профессий, от инженеров до отставных полицейских, уровень достатка у них был примерно одинаков и совсем не соответствовал уровню успешного бизнесмена. Это значило, что либо Лещинский маклером был так себе, либо доходы свои скрывал.

Со слов Алекса, он заходил к своему клиенту, работавшему в мэрии, машину оставил на стоянке за периметром центральной площади и как раз к ней направлялся. Никого из убитых и раненых он не знал, не знал и убийцу – у Лещинского было время подумать, лицо Кевина Баума транслировали со вчерашнего дня по всем каналам. Враги у маклера

были, кто-то потерял деньги на сделке, суммы небольшие, но обидные, кто-то недостаточно заработал, но все они, по его словам, максимум, что могли сделать, так это облить машину краской или подложитьдохлуюмышьподковрик. Авотнанятькиллера, и чтобы он при этом ещёшестерыхпристрелил – тут Лещинский был уверен на сто процентов, эти враги не пойдут на такое из жадности. Зачем тратиться, если вложенные деньги уже потеряны, и мертвец их ни за что не вернёт. Из Модены в столицу он переехал, когда понял, что большая часть клиентов живёт здесь, а личное общение, даже при всех преимуществах удалённой связи, всегда приносит больше выгоды. Работу свою маклер любил, но без фанатизма, женат не был, детьми не обзавёлся, жизнь свою считал тихой и размеренной, соседи, кстати, это подтвердили.

Лещинский производил впечатление человека открытого и честного, а значит, по опыту Волковой, врал, наверняка был у него тайный порок или грешок за душой. Может быть, кто-то потерял деньги и выбросился из окна, как неопознанная женщина в прошлом году, или вложился в недвижимость, а получил котлован в комплекте с судебным запретом на месте дома. Официальные сделки Лещинского проверить было нетрудно; она получила полицейский ордер и сразу запросила Торговый департамент, оставались теневые, в которых вполне могли участвовать криминальные кланы. Этими сделками занималось Бюро, оно через своих осведомителей и аналитиков получало данные по возможной пере-

даче средств.

Ответ от Торгового департамента пришёл через двадцать минут после того, как они с Алексом расстались. Волкова даже кофе допить толком не успела, отламывая вилкой кусочки от персикового пирога, прогнала список через программу-анализатор. Замерла.

Клиентами Алекса Лещинского были Дэвид и Стелла Марковиц, Дело Дэвида Марковица, журналиста, которого убили в прошлом году, зашло в тупик, но до сих пор закрыто не было, и в этом убийстве совершенно точно был замешан Веласкес.

* * *

В ста километрах от Акапулько, на Свободных территориях, прямо на берегу океана, возле одноэтажного бунгало в гамаке лежала молодая женщина. Она потягивала дайкири из высокого стакана и раскачивалась, свесив левые руку и ногу почти до белоснежного песка. Бунгало она сняла две недели назад, в доме на журнальном столике лежали планшет и коммуникатор, соединённые оптическим кабелем. Планшеты такого типа использовали в Силах обороны и Бюро, а коммуникатор принадлежал Стелле Марковиц.

На комм пришло сообщение от Тильды, дочки Марковицей, планшет обработал его, соединил окружающий бунгало пейзаж с изображением Стеллы, добавил её голос и выслал

ответ. Сама Стелла, точнее, то, что не обглодали рыбы, лежала в двухстах километрах западнее, на дне океана.

Глава 4. Отверженный

Пятый (последний) день Рождества

329 года от Разделения

Протекторат Ньюпорт, поместье Кавендиш

Сын Эла Кавендиша появился утром, вертолёт, зависнув над поместьем, сбросил кокон с тремя людьми, по пути на землю кокон раскрылся, словно гибрид парашюта и ков-ра-самолёта, и мягко приземлился на подъездной дорожке. Из него выбрались трое, два штаб-сержанта, они начали обход поместья, и Патрик Кавендиш, капитан Сил обороны Парайзу.

Павел ждал его на крыльце.

– Идём, – Патрик увлёк Веласкеса за собой, прошёл в кабинет. – Это здесь случилось?

Вопрос был риторическим, Павел послал видео почти сразу, как закончил заниматься с наследством опекуна, но капитан и не ждал ответа, он обошёл комнату, разглядывая обстановку, потом уселся в кресло отца, кивнул на стул, стоящий напротив.

– Мы не ладили, – сказал он. – Ты и я. Глупо получилось, я ведь против тебя ничего не имею, отец всегда уделял нам внимание, и когда мы с Ниной были детьми, и после, а ты появился неожиданно, словно ниоткуда. Я много думал об этом и хочу извиниться.

– Да чего уж там, – Павел чуть покраснел, враждебности Патрик никогда не проявлял, некоторая холодность – да, в их общении присутствовала, но не более того. – Я понимаю, чужак в семье, да ещё эспер, не каждый с этим смирится.

– Нина смогла, и мама приняла тебя как родного, а я – нет, – Патрик смотрел прямо перед собой, не моргая, словно видел какую-то цель, – мы ведь знаем, что эта история про дальних родственников – полная чушь. Но мы должны её держаться, так хотел отец. Ладно, я не об этом хотел поговорить. Скажи, он не сказал тебе что-то перед смертью?

– Позавчера он сказал, что умрёт. Я думал, Эл пошутил, он отлично себя чувствовал, шутил и всё такое. А на следующий день я его нашёл здесь. Ты это имел в виду?

Патрик неожиданно замялся. Потом залез в карман, достал квадратный лист гибкого экрана, закатанного в пластик, повертел в руках.

– Есть кое-что, ты этого не знаешь. Семь лет назад, за год перед тем, как ты появился, Эл сильно болел. Очень сильно, он сгорал буквально на глазах, мы возили его в столицу, ты в курсе, какие у Службы контроля возможности, они даже магов подключали, чтобы те как-то его на ноги поставили, но ничего не получалось. Эл, – капитан усмехнулся, – уже завещание написал, разделил между нами дом в Ньюпорте, поместье, какие-то предприятия в Тампе, мы старались на это внимания не обращать, надеялись, что всё обойдётся. Особенно мама, они уже не жили вместе, но каждый день разго-

варивали, мне кажется, стали гораздо ближе, чем до того, как расстались. В общем, в тот день мы с отцом были одни в городском доме, к нему приехал мужчина, странный какой-то, я думал, что это врач. Они заперлись в кабинете, о чём-то разговаривали минут сорок. А потом вместе уехали. Помню, мне ещё от Эмили влетело, что я отпустил Эла неизвестно с кем.

Он снова замолчал, глядя в окно, Павел его не торопил.

– Эл приехал на следующий день, он был совсем плох, почти не разговаривал. Но потом внезапно пошёл на поправку, не так чтобы быстро, но с каждым днём ему становилось лучше. Через месяц он снова появился на работе, и словно ничего не произошло. На Рождество, вот такое же, как это, как раз на пятый день, мы разговорились, и он сказал, что получил кое-что взаймы, и за это должен будет заплатить. А потом дал мне конверт вот с этим листом. погоди, чуть позже покажу, обязательно. Я вот что думаю, он заплатил тобой.

– В каком смысле? – удивился Павел.

– Ты – это его плата за несколько лет жизни. Твои родители, Павел, это сделали.

– Нет, – Веласкес облегчённо рассмеялся, – поверь, Падди, я знаю, кто мои родители. Мать меня бросила, отец не стал бы помогать, скорее, наоборот. И уж тем более не сделал бы это ради меня.

– Да? – Патрик внимательно посмотрел на Павла. – Полагаю, ты не можешь об этом говорить?

– Нет.

– Значит, я ошибался, и это кто-то другой. Держи, это тебе.

Лист, который Патрик протянул Павлу, был с таймером, который запустился, стоило ему взять экран в руки, обратный отсчёт показывал, что остались две минуты.

– Копировать бесполезно, – предупредил капитан, – я уже пробовал, сверху вероятностный поляризатор, он даже военные объективы засвечивает, каждый раз получают новые изображения, и идентификационный датчик наверняка настроен на тебя. Ты там видишь что-нибудь?

Павел кивнул, глядя на фотографию. На ней была запечатлена женщина лет двадцати пяти, светловолосая, в серебристом бикини, она сидела на корме яхты, глядя прямо в объектив. Над фотографией женским округлым почерком было написано:

«Лично в руки Павлу Веласкесу в пятый день Рождества 329 года, без свидетелей, с восьми до десяти часов первой трети. Не вскрывать, не копировать – встроена система самоликвидации».

– И что там?

– Женщина. Молодая и красивая.

– Всё в этом мире сводится к молодым и красивым женщинам, – Патрик криво улыбнулся. – Посмотри на надпись, Эл был уверен, что не сможет отдать тебе сам эту штуку, значит, он также знал, когда его убьют. И ещё кто-то знал,

что через какое-то время среди нас появится Павел Веласкес. Смешно, правда?

– Ничего смешного нет, – Павел бросил последний взгляд на фотографию, та ярко вспыхнула, экран почернел. – Вот и всё, пропала. У тебя нет больше никаких идей, кто мог это сделать? Убить дядю Эла?

– Нет, – Патрик покачал головой, – почти никаких зацепок. Только этот странный посетитель, его потом показывали в новостях, он покончил с собой, выбросился из окна. Но когда они с отцом разговаривали, я случайно услышал имя. Мне кажется, этот человек должен что-то знать, но сейчас мне до него не добраться. Джон Маккензи.

– Конечно же не добраться, он, наверное, помер давно, – Веласкес фыркнул, – это же тот учёный, который открыл эффект Маккензи лет сто назад, он вычислил режим работы портала, который так и не заработал, если ты не в курсе, о нём даже в школе иногда рассказывают.

– Жив и очень даже здоров, сейчас бригадный генерал Сил обороны. Только он из бункера не вылезает, с моим допуском я там даже через второй периметр не пройду, а тебя на километр к базе не подпустят, – Патрик поднялся, – отец хотел, чтобы его похоронили в океане, мама скоро прилетит, и тётя Тереза, и все остальные, так что надо всё организовать. Поможешь?

4 января 335 года от Разделения, среда

Двадцать часов сна – это не так много, если в сутках их тридцать. Взять треть от одних и треть от других, и останется ещё много времени для дел. Веласкес именно так и поступил, улёгся в формально уже чужую постель с наступлением последней трети и проспал до начала второго следующего дня. Он бы и дальше лежал с закрытыми глазами, дремал и думал о чём-нибудь приятном, например, что уже почти ничего не болит, а заживление идёт гораздо быстрее, чем он предполагал, но на коммуникаторе висели несколько сообщений, и два из них были из «Ньюс».

– Ну да, я же теперь центр внимания, – Павел лениво потянулся к очкам, нацепил их на нос, смахнул предложения из банка и отчёт из больницы, со своим здоровьем он как-нибудь разберётся сам. А потом рывком сел на кровати.

Первое сообщение было от отдела кадров «Ньюс», симпатичная девушка с чёлкой и ярко-красными губами зачитала приказ о разрыве контракта и о том, что «Ньюс» отказывается от любого сотрудничества с Павлом Веласкесом, дипломированным репортёром. За уже переданные материалы «Ньюс» выплачивал сто тысяч реалов. Павел прокрутил сообщение три раза, пытаясь вникнуть в смысл – вдруг он упустил какие-то детали, прочитал присланные документы и собрался уже было позвонить Тимми, но второе сообщение было как раз от маленького индуса.

«25:00, не звони».

И дальше шёл адрес в Верхнем городе. Павел проверил

его на карте, район был закрыт белым пятном, улицы изображались схематично, с номерами домов и без подробностей вроде имён хозяев недвижимости, значит, там жили люди, которые не желали, чтобы в их личную жизнь вмешивались посторонние.

Не то чтобы Веласкес был расстроен, сто тысяч – эти деньги он хорошо бы если за два года там заработал, но такое отношение компании, которая несколькими днями ранее пыталась его к себе заманить, было странным. Тем не менее напрашиваться маг не собирался, если подумать, помимо «Сегунда-Ньюс» на Параизу достаточно других медиакорпораций, которые с руками оторвут талантливого парня за двойную оплату. А с учётом того, что произошло, можно просить вообще сколько вздумается.

С этими мыслями Веласкес пошёл на кухню, где стоял старый кофейный автомат, а поскольку кровать практически в этой же кухне и находилась, сделать надо было всего несколько шагов. Он нажал кнопку, дождался сигнала, вытащил чашку из автомата, отхлебнул и вылил кофе в раковину. Если раньше автомат делал просто плохой кофе, то в этот раз получилось нечто совсем противное.

– Лю надо этой гадостью напоить, чтобы понял, как нам, людям, живётся, – сказал парень сам себе, а потом вспомнил, что фамилия убитой девушки как раз так же и звучала, и помрачнел. – Нет, надо развеяться. И узнать, что за непонятные дела творятся.

Анджей Смолски появился на пороге своего любимого бара в двух кварталах от «Фундо Политико» через четверть часа после того, как Павел послал ему сообщение. Точнее говоря, попросил бармена сделать это. Репортёр вкатился в полупустое помещение и плюхнулся на стул возле стойки.

– Где? – требовательно спросил он. – Где мой приз?

Бармен показал глазами на столик в углу, где сидел Веласкес.

– Ну ты и жук, – Анджей ничуть не расстроился, он сел на диван напротив Павла, сложил руки на животе. – Учти, это будет стоить тебе в два раза дороже.

– Рад тебя видеть, Анджей, – Веласкес махнул рукой официанту, тот подкатил тележку и начал выставлять бутылочки персикового бренди «Ликуид Мирикл» на стол. – Не думал, что ты продешевишь, и взял втройне.

Смолски неторопливо вылил содержимое одной из двенадцати бутылочек в стакан, потом добавил туда же вторую и третью.

– Двенадцать английских унций, – сказал он, – это плевок, а не порция, не знаю, что они о себе возомнили, выпуская пойло для карликов. Погоди, сейчас я выпью, а потом поговорим.

Веласкес терпеливо ждал, когда репортёр втянет в себя сто пятьдесят реалов.

– Ладно, – Смолски блаженно улыбнулся, – выкладывай,

что у тебя за дело.

Услышав, что Веласкеса выгнали из «Ньюс», он нахмурился.

– Что-то тут нечисто, парень. Если ты не залез в политику. Ты ведь не залез? погоди, есть у меня один старый приятель, с которым мы ловим рыбу в Рио-Флор, он мне кое-чего должен.

Пока Анджей разговаривал со старым приятелем, Павел успел съесть порцию вафель с клубничным сиропом и выпить две чашки нормального кофе, здесь, в баре, его варил человек, а не автомат. Заказал омлет, но его отобрал Смолски, он одновременно жевал и говорил. Разговор с невидимым собеседником плавно перешёл от рыбной ловли к какой-то девице в Тампе, которая, по-видимому, спала с ними обоими, а потом к жене и детям. И наконец, было упомянуто имя Веласкеса. Смолски выслушал своего приятеля, отключился, внимательно посмотрел на Павла.

– Ты в чёрном списке, дружок.

– И что это значит?

– Это значит, что тебя не возьмёт ни одна самая паршивая газетёнка, даже та, где шлюхи показывают свои рекламные ролики. Если ты купил бренди на последние, я отдам тебе деньги.

– Нет, не нужно.

– Да, я слышал, ты обзавёлся яхтой с капитаном-китайцем и вертолётom с двумя стюардессами-близняшками, –

Анджей добил омлет и принялся за кофе, ему принесли литровую кружку, туда пошла ещё одна порция бренди. – Ты всегда умел падать на четыре лапы, Веласкес, такой у тебя талант. Но в этот раз явно что-то пошло не так, не знаю, что ты сделал, точнее, и приятель мой не знает, теперь ты экс-коммуникадо. По-простому – отверженный. Пока метку не снимут, о работе забудь. Нет, в забегаловке вроде этой тебе всегда будут рады всучить швабру и тряпку, но если решишь заняться чем-то более серьёзным, могут быть проблемы, по крайней мере на территории протекторатов – точно.

– А на Свободных территориях?

– Там всем плевать, есть у тебя метки или нет, или ты вообще беглый преступник. Пока ты не нагадил Силам обороны или местным полицейским, бояться нечего. Вот помню, был у меня случай, подрался я с одним парнем, у которого брат работал в полиции...

Веласкес, который эту историю слышал много раз, без слов пододвинул к себе половину оставшихся бутылочек.

– Ладно, ладно, в следующий раз расскажу.

– Так кто раздаёт эти метки?

– Мне откуда знать, – Анджей высосал остатки кофе, торопливо рассовал бутылочки с бренди по карманам, чтобы у Веласкеса не было соблазна их оставить себе, тяжело поднялся, – рад был тебя видеть, Павел. Когда всё образуется, и я тебе понадобится, зови, у «Мирикал Брюэрс» есть отличный фрамбуаз.

Маг подождал, пока Смолски уйдёт, открыл базу вакантных мест в Нижнем городе и выслал в несколько мест заявку о работе, просто чтобы проверить. Ответы пришли практически мгновенно: компании, которым он написал, в данный момент не искали работников и не собирались этого делать в ближайшее время.

– Значит, не судьба, – подытожил поиски Павел. – Стану фермером.

Для того чтобы попасть в Верхний город, ему пришлось воспользоваться временным пропуском, полученным в больнице, даже с ним мага пускать не хотели, промариновали на въезде минут десять.

– Постарайтесь вернуться до полуночи, – полицейский, оформлявший допуск, разблокировал на коммуникаторе экстренный канал, – жители столицы не любят, когда по улицам разъезжают по ночам.

– И давно это у них? – Павел приложил браслет к считывателю, получил ответ от центра данных Службы контроля. – Что будет, когда ваш капитан станет и нашим капитаном?

– Лучше тебе оказаться в это время в другом месте, – посоветовал ему второй патрульный. – Капитан Гомеш вас, колдунов, терпеть не может. Уж не знаем, что делать, мэрто говорит, что вы такие же граждане, и, если что, можете подать жалобу судье.

– Не собираюсь я это делать, – успокоил их Веласкес. –

У вас своя работа, у меня своя, мы же с вами не большие начальники, чтобы гадить друг другу.

– Верно, – патрульный вернул комм, – и всё равно, не задерживайся, у нас в два часа первой трети другая смена заступает, там сержант – та ещё сволочь, у неё с магами проблемы личного характера. Понимаю, что дело молодое, уж как-нибудь в шесть часов уложись.

– Постараюсь, – пообещал Павел.

По указанному в сообщении адресу в глубине небольшого участка, засаженного деревьями, стоял двухэтажный особняк с панорамными окнами, подъезд к нему закрывали высокий кованый забор и такие же ворота, впрочем, они открылись, стоило мотоциклу остановиться перед камерами. От ворот до центрального входа шла подъездная дорога, возле дома стояли две машины – синий кабриолет и чёрный микроавтобус. Охрану видно не было, правда, возникло чувство, что кто-то смотрит на Павла через прицел, но оно почти сразу пропало, стоило ему подняться по ступеням.

Дверь распахнулась, Веласкес прошёл в огромный холл, выложенный разноцветным мрамором. Широкая лестница, устланная ковром, вела на второй этаж. На нижних ступенях стояла глава пятого канала «Ньюс» Мишель Ортега. Она была одета в розовый пенюар, который почти ничего не скрывал.

– Я думал, это засранец Коллинз решил извиниться, – вместо приветствия сказал ей Павел.

Мишель не двинулась с места.

– В этом доме, – сказала она, – я принимаю мужчин, в которых заинтересована, так что Коллинза ты тут не увидишь.

– Это его проблемы. Может быть, сначала выпьем, – предложил Веласкес, – ты, конечно, привлекательная и чертовски сексуальная, но мы должны хотя бы поближе узнать друг друга, прежде чем пойдём наверх. Или мы сразу наверх? Да?

Женщина ему подмигнула и не торопясь начала подниматься по лестнице, стройный зад покачивался из стороны в сторону, сильные икры слегка напрягались, когда вес тела переносился с одной ноги на другую, узкую спину она держала прямо, на одной линии с изящной шеей. Павел немного приотстал, чтобы полюбоваться роскошной фигурой бывшей начальницы, и, когда зашёл в отделанную розовым и золотым спальню, Мишель стояла у окна.

В спальне кроме них был и третий человек, смуглый старик, одетый в тёмно-синий костюм и белоснежную рубашку, сидел в кресле в затенённом углу, положив руки на трость с набалдашником из обточенного синего камня.

Павел усмехнулся, в спектакль с полураздетой начальницей он с самого начала не очень-то верил.

– Повертела задницей перед камерами? – спросил старик. Голос у него был скрипучий и неприятный. – Теперь иди отсюда, а мы с молодым человеком побеседуем. Давай, Веласкес, бери стул, садись ко мне поближе, уважь старика, мне, знаешь ли, трудно говорить громко.

Он показал глазами на табуретку с розовым мягким верхом.

Веласкес подтащил табуретку к креслу, уселся напротив. Мишель исчезла за небольшой дверцей, ведущей куда-то в глубину покоев.

– Мне сто семнадцать лет, – старик вздохнул, – возраст, парень, это такая неприятная штука, когда не знаешь, сколько осталось до встречи с Создателем, но точно знаешь, что немного. Ты веришь в Бога или в того, который всё это создал?

– Да, – ответил Павел. – Надо было постараться, чтобы выдумать людей, природа, она бы не смогла.

Старик рассмеялся.

– Ты ведь меня узнал?

– Конечно, сеньор Ортега, – Веласкес кивнул. – Когда я устраивался в «Ньюс», то просмотрел сведения о всех начальниках и уж самого главного не мог не заметить.

– Умный мальчик. Не стараешься произвести впечатление, Фрида была права насчёт тебя, – Игнасио Ортега говорил очень тихо, но Павел прекрасно его слышал, увеличив чувствительность слуховых нервов. Может быть, на треть, большего он пока не мог, но этого было достаточно. – Мы с мисс Каплан были хорошими друзьями, знаешь ли, одно время я даже подумывал, не жениться ли мне на ней, но её родители были против. Старые дураки, мы были бы отличной парой. Но это дела прошлые. А сегодня мне позвонил

один молодой человек, мы с ним по старой памяти иногда ездим рыбачить на Саус-Лейк, и спросил про тебя.

– Экскомьюникадо. Он так сказал, точнее, вы ему сказали. Только я не понимаю, что произошло.

– Иногда так бывает, что кем-то начинают интересоваться слишком серьёзные люди. Семьи, департамент безопасности или Силы обороны, метка – она ставится не навсегда, она означает, что с тобой есть проблемы, в которые никто не захочет влезать, и когда эти проблемы исчезнут, ты снова будешь желанным гостем, работником и так далее, если останешься жив.

– Мной заинтересовался кто-то из Семей? – осторожно спросил Павел.

– Нет, – Игнасио пожевал губами, на самом деле чувствовал он себя лучше, чем выглядел, это маг мог определить безошибочно, – тобой, сынок, заинтересовались Служба контроля и Бюро. Особенно Служба контроля, это ведь такая полиция для магов, не так ли? Я был против того, чтобы ты у нас работал. Знаешь, почему я не люблю колдунов?

– Нет.

– У меня была сводная сестра, хорошая девочка, ненамного моложе меня, – видно было, что воспоминания Ортеге не очень приятны, – и она влюбилась в мага, точнее говоря, это я их познакомил. У них всё было хорошо, родилась дочка, они купили отличный дом на побережье. Мы ведь из простой семьи, для нас собственный дом был роскошью, показателем

успеха. А потом этот маг попал в аварию, ехал на мотоцикле, и ему почти оторвало кисть. Догадываешься, что было потом?

– Он уронил браслет, а потом надел снова, – предположил Веласкес. – И никому не сказал.

– Именно так и было. Когда всё уже случилось, нашли запись с камеры, этот паршивец натянул безделушку, словно ничего не произошло. Несколько месяцев он был нормальным человеком, а потом буквально за день съехал с катушек. Не буду рассказывать тебе, что он сделал с сестрой, не хочу это вспоминать. Он сделал это только потому, что она улыбнулась соседу, просто улыбнулась, ничего больше, – Игнасио на секунду замолчал, – Я был готов рвать эту мразь голыми руками, а потом – вообще всех эсперов, так вас тогда называли, но не успел, ребята из Сил обороны разmozжили ему череп. Тварь даже помучиться не успела, умер слишком быстро и легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.